

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

АНТОН ДЕМЧЕНКО
ВОЗДУШНЫЙ СТРЕЛОК.
ГРАНД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Воздушный стрелок

Антон Демченко

Воздушный стрелок. Гранд

«АЛЬФА-КНИГА»

2016

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Демченко А. В.

Воздушный стрелок. Гранд / А. В. Демченко — «АЛЬФА-КНИГА», 2016 — (Воздушный стрелок)

ISBN 978-5-9922-2169-5

Самое страшное проклятие у китайцев: «Чтоб ты жил в эпоху перемен!» Если так, то Кирилла Николаева явно проклинал весь китайский народ. Не успел мещанин Николаев выкрутиться из неприятностей с клубом эфирников и отвести от себя угрозу со стороны бывших родственников, как навалились новые неприятности. Мятеж в столице недавно спокойного Русского государства подхватывает людей, словно ураган листья, и несет их сквозь дым и пожары к грандиозной катастрофе. Грохочут по древней брусчатке гусеницы бронемашин, гремят в ночи взрывы и горят дома. Владетельные и служилые бояре увлеченно режут друг друга, не гнушаясь ничем, привлекая на свою сторону европейских наемников и бросая в атаку собственные дружины. И среди всего этого сумасшествия Кирилл крутится как белка в колесе, пытаясь защитить своих близких и не влезть при этом в разборки меж боярами и государем.

УДК 82-312.9(02)

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2169-5

© Демченко А. В., 2016

© АЛЬФА-КНИГА, 2016

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	36
Часть вторая	42
Глава 1	42
Глава 2	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Антон Демченко

Воздушный стрелок. Гранд

Пролог

А ведь Прутнев в тот день, когда продемонстрировал мне памятную доску с именами Кирилловой мамы и ее отца, ни словом не соврал. Хотя и всей правды тоже не поведал. Только не по злему умыслу, а по незнанию. Никита Силыч Скуратов-Бельский, генерал и гранд, боярин и глава одного безымянного ведомства, действительно умер в срок, выбитый на каменной плите в церкви при малоизвестной эфирной школе... для мира. Иными словами, он принял постриг... непременным условием которого является отпевание. Уж не знаю, какие такие игры спецслужб подвигли его на этот шаг, но факт остается фактом: для всех и вся, друзей и врагов, Скуратов-Бельский умер, а в Аркажском монастыре появился монах Варфоломей. Надо думать, и сам монастырь этот мало похож на обитель православных монахов, но тут никакой конкретики я не услышал и... честно говоря, был этому только рад, поскольку есть у меня подозрение, что тайна – из разряда государственных. А зачем мне эта головная боль?

Но если отбросить лукавство, придется честно признать, что все это было лишь запоздалыми попытками отбрыкаться от участи секретносителя. Я не люблю секретов еще с тех пор, когда служил Там. Каждая подписка – это лишний головняк, грозящий обернуться вычеркиванием из списка живых. Да о чем говорить, если я и здесь оказался только потому, что кое-кто из большезвездных генералов решил перестраховаться, уничтожив единственный более или менее доступный источник информации о «секретных методиках подготовки специалистов Центра-2».

Почему попытка была запоздалой? Да потому что я уже вляпался в гостайну. Вот как переступил порог монастыря, так и... А уж после встречи с дедом в лучшем стиле индийских кинолент – и вовсе впору ставить мне на лоб гриф секретности и упрятать куда-нибудь в сейф, чтобы, не дай бог, какая контра чего не прознала...

А Никита Силыч, кстати говоря, именно секретностью и оправдывал свой отказ от участия в жизни внука, после чего попросил рассказать ему «кратенько», как и чем я жил с восьми лет. За что и получил в торец второй раз, только уже Эфиром, от которого, правда, почти успел закрыться. Ничего, огреб не очень сильно, зато почти моментально протрезвел. А следом за ним и я, схлопотав в свою очередь эдакий «эфирный подзатыльник». Опытный, зар-раза.

– А о чем рассказывать-то, Никита Силыч? – поинтересовался я, когда очухался от оплелухи и, подождав, пока в глазах перестанут мельтешить цветные круги, сфокусировал взгляд на Скуратове. – Вам же Гдовицкой наверняка обо всем докладывал, по линии этого идиотского клуба...

– Если бы! – фыркнул Никита Силыч, тряхнув головой. Видать, тоже еще не совсем отошел от моего «подарка». – Молчал он, как партизан. До последнего. Клятва роду не шутка. А Владимир Александрович не тот человек, что поступает своим словом. Да и потом, когда тебя уже познакомили с клубом, он был поразительно немногословен. «Не имею права, спрашивайте у него сами». Нет, если бы я мог сам перед ним засветиться, он бы, может, что-то и рассказал. А так... «дела рода» – и точка. Щепетилен господин Гдовицкой.

– М-да. Все-таки тащите вы меня в этот междусобойчик эфирников. За уши волочите, – вздохнул я. Старик в ответ делано покачал головой вроде как с удивлением, заставив меня фыркнуть. – А что, не так? Если уж вы Гдовицкому не захотели сообщить о себе...

– Подожди-подожди, Кирилл! – Скуратов-Бельский поднял руки в защитном жесте, и показное удивление слезло с его лица, словно шелуха. – Владимир хоть и член клуба,

но прежде всего он боярский сын Громовых, и абсолютного доверия к нему ни у меня, ни у моего ведомства быть не может. Равно как и к главе рода Громовых. Ты сам это должен понимать. Собственно, среди твоих нынешних знакомых лишь отец Илларион в курсе этой «игры в прятки»... Моя нынешняя работа совершенно не предполагает публичности, знаешь ли.

– Ага. Понимаю. А мне, значит, вы доверяете безусловно, да? – Я скептически хмыкнул. – И предполагается, что от осознания этого факта мое эго надуется от гордости, а я сам расплывусь в счастливой улыбке и радостно, дружными рядами, но самое главное – молча пошагаю нога в ногу с эфирниками? Или, может быть, даже встану на довольствие в вашей нынешней организации? На фиг.

– Вот ведь ерш, а! – вздохнул мой собеседник. – Кирилл, тебе никто не говорил, что ты параноик?

– Так ведь не я такой, жизнь у меня такая... – Я развел руками, но после недолгого молчания все-таки уточнил: – Ну ладно, не вся. Но сознательная половина – точно.

– Рассказывай.

– И с чего начинать? – спросил я.

– С самого начала. Я ведь о твоей жизни до эмансипации вообще ничего не знаю. Не было у меня возможности хоть как-то за тобой присматривать. Сначала «хвосты» подбирал, чтобы ни одна сволочь обо мне не пронюхала, а когда кризис миновал, ты уже под опекой Громовых оказался... а там моих людей нет. Как и в большинстве боярских родов, впрочем. Не моя епархия... – качнул головой Скуратов и, глянув на притаившегося серой мышкой в углу комнаты Ефимия, кивнул ему на дверь.

Монах молча поднялся и вышел вон. Вот дисциплина. Ни словом, ни жестом не показал, как ему интересно. Встал и ушел... старательно, но топорно прикрывая эмоциональный фон, который так и штормило от любопытства. М-да уж. Проводив взглядом подчиненного, дед дождался, пока за ним закроется дверь, и, расплескав по серебряным чаркам очередную порцию меда, приготовился слушать.

Ну я и рассказал... Нет, это не была жалоба или попытка вышибить из родственника слезу, просто... обидно стало за мальчишку, который при живых родственниках вдруг оказался не нужен ровным счетом ни-ко-му. Хотелось хоть немного расшевелить сидящего напротив меня упрямого старика, посвятившего жизнь какой-то не очень понятной мне цели и ради нее забившего на единственного внука, сбавив его родичам зятя. Хотелось увидеть хоть что-то живое в его глазах. Убедиться, что передо мной не винтик ржавой государственной машины, а нормальный человек...

Именно поэтому, старательно перевероротив память Кирилла, я принялся излагать его краткое жизнеописание. Монотонно, с перечислением методов обучения в семье Громовых, всех запомнившихся причин для визитов в медблок, о тех, что не запомнил, находясь в отключке, тоже упоминал, честно предупреждая, что сведения о них нужно уточнить в медкарте. Не забыл поведать об отношении родичей к «нахлебнику-слабосилку»... В общем, рассказал все, что вспомнил. Ну и как вишенка на торте – похищение Романом Томилиным.

Вотще. Старик закрылся наглухо. Слушал внимательно, но ни жестом, ни словом не выдал своих эмоций. Правда, когда речь зашла о родственниках ныне покойной Ирины Михайловны, мой собеседник едва заметно напрягся, но это было единственное проявление хоть каких-то эмоций с его стороны.

– Что замолчал? Жалуйся дальше. Насколько я знаю, последние полгода у тебя были ничуть не менее щедрыми на злосчастия, – спокойным ровным тоном предложил Скуратов-Бельский, откидываясь на спинку стула.

– Жаловаться? И в мыслях не было, Никита Силыч. Вы спросили, я рассказал. И помощи или сострадания просить не собираюсь, – пожал я плечами. – Со своими проблемами, как вы могли заметить, я справляюсь сам.

– Хм... не буду спорить. Хотя некоторые твои решения меня, прямо скажу, не устраивают, – после недолгого молчания заключил монах Варфоломей... Хотя какой он монах? Ряженный! И плевать, что постриг был настоящим.

– А вот это уже ваши проблемы, и можете справляться с ними сами, как хотите, – ощерился я в ответ и, отсалютовав старику чаркой, махом ее опростал. Скуратов же покрутил в ладонях свою порцию, сделал небольшой глоток и, поставив чарку на стол, с интересом уставился на меня.

– Кирюша, а ты не забыл, часом, с кем разговариваешь? – тихо, но с намеком на угрозу спросил дед.

– Хм... с монахом неизвестного ордена? – ухмыльнулся я, и мой собеседник с шумом выдохнул воздух, отчего жестко очерченные крылья его носа затрепетали. Как играет, а! Вот только в эмоциях полный штиль.

– У православной церкви нет орденов, – заметил он наконец и вздохнул. – Кирилл, не ершишь. Я прекрасно понимаю твою обиду, но поверь, если бы у меня была хоть малейшая возможность участвовать в твоей жизни, не раскрывая инкогнито, я бы ее не упустил. К сожалению, это было нереально.

– И что же изменилось? – поинтересовался я.

Скуратов в ответ чуть не прожег меня взглядом.

– Многое. Но об этом мы можем поговорить чуть позже, – чуть помедлив, тихо ответил дед. – А пока расскажи, что было после похищения Томилиным. Я, конечно, уже прочел отчеты групп наблюдения Преображенского приказа, но они не дают полной картинки. А ты был участником событий...

– Хм... – Вот ведь непробиваемый старик... что тот носорог. Ладно, добавим чуть-чуть юношеской обидчивости. – А зачем? Чтобы вы опять заявили, что я жалуюсь?

– Кирилл, извини. Я был не прав, – почти через силу выдавил из себя Скуратов-Бельский, и вот сейчас я поверил искренности его эмоций. Уж очень характерный след оставило это усилие в Эфире... Ну что ж, ладно. Никто и не говорил, что все будет просто и розово...

Второй рассказ занял куда меньше времени, а когда я закончил повествование, Скуратов посмотрел на меня долгим, совершенно пустым взглядом и неопределенно покачал головой.

– И ты винишь во всем Бельских? – поинтересовался он.

– Честно говоря, если бы не запись переговоров майора «Северной Звезды», я, наверное, в первую очередь заподозрил бы Громова-старшего, – помедлив, ответил я. – И только во вторую – ваш клуб.

– Вот как? – А вот сейчас его бесстрастность дала трещину, и Эфир плеснул удивлением. – И почему же?

– Ну, ему было проще всего организовать давление на меня. Покойному Громову достаточно было один раз посетовать на свою ошибку в оценке способностей внука при разговоре с директором и чуть намекнуть ему о желательности отчисления такого слабого и необязательного ученика, бросающего тень на славное имя гимназии. Тогда как тем же Бельским пришлось бы искать о-очень веские аргументы, чтобы директор решился на конфликт с Громовыми, отчисляя протезе их рода. Да и в случае с моей недвижимостью история похожа. Документально там все было законно, так что могло заставить жадного чинушу отыграть назад? Только полная уверенность, что этот финт ушами останется безнаказанным. Стал бы муниципальный чиновник лезть в игры боярских родов в попытке урвать свой кусок и гарантированно навлечь на себя гнев Громовых, которые, как он был уверен, стоят за моей спиной?

– Хм, он тоже мог действовать под давлением... – протянул Скуратов-Бельский.

– Мог... но в этом случае, как мне кажется, советник Коржин не преминул бы поставить в известность Громовых, просто чтобы обезопасить себя от их гнева. А Федор Георгиевич непременно поделился бы этой информацией со мной, чтобы не нарушить нашего «договора о невмешательстве».

– Что за договор? – удивился старик. Есть, я все-таки его пробил!

– А это один из аргументов в пользу невиновности Громова-старшего, – развел я руками. Дед заерзал на месте. Ну-ну, вот теперь поговорим серьезно... и Эфир мне в помощь!

Часть первая

«Ты туда не ходи, ты сюда ходи...»

Глава 1

«О, сколько нам открытий чудных...»

Я могу как угодно относиться к деду и, если честно, добротой к нему совсем не дышу, но не признать, что он умен, не могу. Точнее, очень умен. Мои ощущения, подкрепленные результатами допроса майора «Северной Звезды», этот старик прокачал, что называется, на раз-два. И я даже не буду говорить, что вот, мол, будь у меня такое же понимание подводных течений здешнего высшего общества, да знание политических раскладов, да его жизненный опыт – я бы тоже так смог. Фигу. Я боевик и неплохой инструктор, кое-кто зовет меня даже учителем, а Скуратов-Бельский... Хм, пусть генетики говорят что угодно, но если представители одного рода на протяжении столетий занимаются каким-то делом, пусть даже таким «широкопрофильным», как охрана государства, то рано или поздно их умения выйдут на другой качественный уровень. Иными словами, способности к анализу и просчету вероятностей у Никиты Силыча – это что-то с чем-то, а уж подкрепленные интуицией и сверхчувственным восприятием Эфира... это не человек, а суперкомпьютер какой-то, причем линейной логикой там и не пахнет.

Деду хватило моего рассказа, чтобы сложить два и два. Уж не знаю, какую роль в проведенном им анализе сыграла его собственная информированность, но результат был... удручающим. Для меня.

– Кирилл, – встрепенувшись и открыв глаза, старик прервал таймаут, взятый им на полчаса сразу после того, как я закончил свой рассказ. И, смерив меня долгим изучающим взглядом, заявил: – Я попрошу тебя выполнить одну мою просьбу, точнее, задать кое-кому один вопрос, и если ответ будет положительным, то... С меня настоящее имя твоего «злого гения». Идет?

– Считаете, это не Бельские? – нахмурился я.

– Вопрос, Кирилл. Потом будет мой ответ, – покачал головой Скуратов-Бельский.

Я пожал плечами.

– Хорошо. Какой вопрос и кому я должен его задать?

– Нынешнему главе рода Громовых. – Старик на миг притормозил, но тут же, мотнув головой, словно избавляясь от какой-то назойливой мысли, продолжил: – Не уверен, что он прямо ответит на этот вопрос, но попробуй узнать причину отстранения Георгия Дмитриевича от главенства в роду. И если ответ будет связан с душевной болезнью, то я раскрою тебе цепочку своих умозаключений и назову имя твоего недоброжелателя. Но предупреждаю: доказательств у меня нет, есть только сами умозаключения. Если же нет, то мы забудем об этом разговоре. Добро?

– Мне Алексей уже сказал. Домашнюю версию, так сказать... – протянул я и, встретив заинтересованный взгляд деда, кивнул. – Согласно ей, Георгий Дмитриевич тихо поехал раскурочком.

– Вот так, – удовлетворенно улыбнулся мой собеседник. – Вот и сложилась наша головоломка. Теперь на все сто процентов. Жора всегда отличался гипертрофированной, почти фанатичной ненавистью к иезуитам и неустойчивой психикой. М-да... Впрочем, среди людей нашего поколения, тех, кто прошел и не забыл княжьего мятежа и Великой войны, проблемы с психикой – штука совершенно обыденная. Ничего удивительного... совсем ничего. Неда-

ром же ббольшая часть глав родов сегодня состоит преимущественно из наших детей, и далеко не самых старших. Хотя патриархов семей и сегодня хватает. Хм. Никогда не задумывался об этом, Кирилл? Почему ббольшая часть еще живых старейших представителей родов не возглавляет их по праву?

Ничего себе откровение... Я взглянул на замолчавшего старика, но тот успел вновь погрузиться в свой странный транс. На этот раз ему хватило всего минуты. А когда он открыл глаза... у меня мурашки по спине пробежали от его взгляда... хорошей такой маршевой колонной. Последний раз такое со мной было еще Там, перед тем как по берегу, где скрывалась наша группа, отработала корабельная артиллерия. Непередаваемые ощущения... да.

Скуратов-Бельский тем временем успел подобраться и чуть ли не к бою подготовиться. По крайней мере я четко ощутил собирающийся вокруг него Эфир.

– Кирилл, – не сводя с меня взгляда потемневших глаз, старик медленно выпрямился в кресле и заговорил, тяжело роняя слова, – отрицать твоего права на подобные действия я не могу, сам бы поступил аналогично, но... надеюсь, что ко мне в гости ты не придешь так же, как к Георгию... или Ирине. Как гранд гранду – не советую.

– Вы о чем? – Я растерянно и непонимающе взглянул на деда. Че-орт! Догадался... но как? Как?!

– Ты услышал, – сухой и короткий ответ. Но в глазах все же мелькнула тень неуверенности.

Ага, значит, прочесть меня он сейчас... Хотя не факт. А тучи-то сгущаются, да... Эх, я вообще-то живым отсюда выйду или как?

– Хм... пусть так. Но вы же не собираетесь идти по стопам уважаемого Георгия Дмитриевича и его невестки, правильно? – осторожно проговорил я, и дед после короткого раздумья напряженно кивнул. Во как, не на меня одного атмосфера давит, оказывается.

– Согласен.

Вот и договорились... До союзников нам, конечно, еще грести и грести, но нейтрализовать уже есть. И то хлеб. Воевать с **этим** я не собираюсь... да и дед, судя по всему, отнюдь не горит желанием выйти против меня на бой. Но самое главное, он явно не станет сдавать меня полиции... Да и причитать о падении нравов и ужасаться моей «жестокости», кажется, тоже не намерен. Боярские заморочки... но сейчас я только рад этим «средневековым вывертам», как говаривала Агнесса – громовский преподаватель этикета.

Мы со Скуратовым одновременно потянулись к меду, глухо звякнули, столкнувшись, серебряные чеканные бока. Отсалютовав друг другу чарками, одновременно их осушили, и как-то незаметно напряжение растаяло, оставив на память разве что треснувшие стекла в низком окне да осыпавшиеся мелким крошечком стеклянные же дверцы книжных шкафов.

– Ну вот, опять Ефимию порядок здесь наводить, – со вздохом констатировал дед и, покосившись на меня, махнул рукой. – Спрашивай... вижу же, что неймется.

– А чего спрашивать, по-моему, и так ясно, разве нет? Я сейчас чувствую себя, как Ватсон рядом с Холмсом, и на языке только один вопрос вертится: «Но, черт возьми, ка-ак?!»

– На самом деле это несложно, – пожал плечами чуть расслабившийся собеседник, пускаясь в объяснения.

М-да, осознать, что Кирилла с малолетства готовили как какого-нибудь шахида, это было... сильно. Психологическая ломка по всем правилам. Ликвидация любых привязанностей, ограничение общения и постоянное давление, не дающее расслабиться... Знакомые технологии, и чертовски эффективные, признаюсь. Понятно, что моя эмансипация внесла изрядные коррективы в план поехавшего рассудком Георгия Дмитриевича. Пришлось деду срочно придумывать, как обламывать начавшие появляться личные связи. У самоубийцы не должно быть собственного дома или места, которое он мог бы назвать таковым. И в бывший конный клуб зачастили незваные гости... ну и попытка отжать мою собственность как завер-

шающий штрих... Вот, кстати, по поводу неожиданных визитеров, а не мог старый урод как-то повлиять на действия невестки? Уж больно вовремя она нарисовалась на пороге моего дома. Хм, тут даже Никита Силыч спасовал, не сумев ответить на вопрос. Ладно, не так уж важно.

Идем дальше. У будущего оружия не должно быть личных привязанностей. И меня запи- хивают в школу, где отношения между учениками в большинстве своем строятся на жесткой конкуренции, праве силы и старшинства. Только тут я сам походя смешал Громову-старшему карты, пооткрывав кучу клубов, даже не подозревая, что администрация гимназии, оказыва- ется, давно и старательно гнобит «лишние» школьные организации, оставляя только мини- мально необходимое их количество с разновозрастным составом, который только подогревает конкуренцию внутри самих клубов и соперничество между ними. Все во имя победы, ага. Облом. Десяток новых клубов просто размыл эту самую конкуренцию, вместе с соперниче- ством. А уж форма подачи проектов и вовсе уничтожила ее остатки.

Затем... затем оружию нужно дать мотив для перехода на «темную сторону», то есть для побега из страны в распахнутые объятия иезуитов, и, учитывая, что давления аристокра- тии на мещанина в школе я просто не заметил, в ход пошла тяжелая артиллерия связей отстав- ного комнатного боярина. Да-да, Преображенский приказ, кровавое пугало, которое должно было отвратить меня еще и от эфирников. Недаром же Переверзев светил визиткой Прут- нева... Вообще стоит только удивляться, с какой скоростью покойный боярин генерировал свои планы.

Ну и под занавес – попытка повлиять на меня через Ольгу. Представить невесту шалавой, ослабить ее на весь свет – это же какое разочарование для влюбленного пятнадцатилетнего парня! А заодно эта выходка обрубилась бы мне любой намек на возможность быть принятым в обществе, независимо от исхода дела. Расстались бы мы с Ольгой или остались вместе – житья в столицах нам бы не было обоим. В общем, по зрелом размышлении я пришел к выводу, что правильно сделал, отправив Георгия Дмитриевича на тот свет. Туда ему и дорога. Будь моя воля – оживил бы тварь и заново прикончил, раз десять подряд...

– А вот тут, кстати говоря, мог быть и второй слой... – задумчиво протянул Скура- тов-Бельский в ответ на мое рычание по поводу попытки Громова-старшего превратить мою невесту в нимфоманку. Я непонимающе взглянул на собеседника. – Как думаешь, каким спо- собом тебя намеревались «взорвать» после твоего попадания к иезуитам?

– Без понятия, – пожал я плечами. Понимаю, что у уroda был какой-то план, как подсу- нуть меня папистам, но вот как он намеревался повернуть меня против них... не знаю.

– Смерть Люды и Николая была устроена по указке иезуитов, – тихо произнес старик. – У меня до сих пор руки слишком коротки, чтобы их достать. Точнее, заказчиков. Что же до тебя... Ты был слишком мал, чтобы хорошо запомнить родителей, и не факт, что захотел бы мстить за их смерть. Громов не мог этого не учитывать. Так что, думаю, если бы не Ольга, тебе подвели бы какую-нибудь другую девочку, а потом... разыграли бы тот же самый сценарий, а в нужный момент подсунули бы доказательства причастности иезуитов к этой неприглядной истории.

– А зачем тогда нужно было валить все на Бельских? Или они, как и Томилины, были связ... – Я поднял взгляд на старика. – «Северная Звезда» и «Гончие»... Одного поля ягоды?

– Хм. А вот в это я тебе соваться не советую, – нахмурился Скуратов. – Не знаю, откуда у Громова была эта информация и зачем он привязал к этому делу Бельских, но это уже совсем другие игры, Кирилл. И проходят они по совершенно другим правилам. Это политика. Прими добрый совет: не стоит в нее лезть.

– Вот чего мне не нужно – так это политических и шпионских игр. Своих проблем хватает, – проворчал я.

– Вот и замечательно. Кстати, Кирилл, а не скажешь, с чего вдруг ты решил, что эти отряды... оба связаны с папистами? – вкрадчиво поинтересовался Скуратов-Бельский.

Во попал... Думай, голова, думай! Шапку куплю, из песка, ага. Того самого, который сейчас ко мне подкрадывается. А то, глядишь, и без «Визелей» останусь.

– Хм... перед смертью Роман Томилин молился на латыни...

– А ты откуда знаешь? – удивился дед. – Ты же вроде бы в это время уже в мешанах обретался?

– Так ведь... это я его на тот свет наладил, – пожал я плечами. – У Громовых с Томилиными как раз война приключилась, и Роман посчитал, что это хороший способ расстаться со своей пассивностью... радикально. А я, как учитель, должен своих учениц оберегать. Вот и пришлось доказывать ему, что Лине умирать рановато...

– Понятно. – Старик машинально отправил в рот ломтик ветчины и мотнул головой. – Ну ладно, с этим ясно. Но что из того, что Роман молился на латыни? Он же из папистов, хоть и принял православие. Привычка.

– Сомневаюсь, что все паписты перед смертью бормочут девиз Общества Иисуса, – фыркнул я.

Скуратов сверкнул глазами, но тут же притушил не вовремя поднявшуюся волну в Эфире. Интересно, откуда молодой Николаев вообще знает о существовании у Ордена святого Игнатия какого-то девиза? Это не та информация, которую можно легко найти в паутинке или библиотеках... Впрочем, если Громов подошел к делу обстоятельно, то... нет, не вяжется. Не стал бы старый псих так готовить свою «бомбу». К иезуитам должен был попасть растерянный юноша, изрядно поколоченный судьбой и разочаровавшийся в боярах и государе, но никак не знаток традиций и истории Общества Иисуса. С другой стороны, кто знает, что мог найти мальчишка в библиотеке Громовых... Нет, но какое чутье, а?! Вот так, на одних ассоциациях, связать подставу Бельских и «Северной Звезды» с «Гончими» Томилина... Все-таки кровь не водица...

Никита Силыч вздохнул. А что, может, действительно поговорить с государем, пускай передаст боярский титул Скуратова Кириллу? Грех же такую линию терять. Пусть Скуратов никогда не был склонен переоценивать значение еврики для одаренных, все-таки, будучи грандом Эфира, он имел собственное мнение о наследовании Дара и способах его развития. Но в данном случае просто жаль труда поколений его предков, выпестовавших в роду такую вот «линию интуитов и аналитиков», как выразилась однажды о них дочка... а она ведь знала, о чем говорила. Мастер еврики, как-никак... стоп. Кирилл же только что рассказывал о своей «неземной любви» к младшей Бестужевой! Это что же получается... дочкина работа? Ну Люда, ну экспериментатор! То-то она так легко согласилась уйти за мужем под начальство его старого приятеля. Все просчитала и ничего не сказала отцу, умница эдакая.

Эх, если бы не та злосчастная авария... нет, понятно, что дочь не стала бы просить за мужа перед Никитой Силычем. Да и сам Скуратов скорее отрубил бы себе руку, чем признал наследником рода отпрыска Георгия Громова... Но ведь он и сам не вечен, а внук после смерти Скуратова вполне мог бы претендовать на его титул – если не сам, то как регент собственного ребенка точно. Потому как очевидно, что дочка очень хорошо постаралась с выбором невесты для своего сына, и линия Скуратовых в будущих детях Кирилла будет не ослаблена, как того можно было бы ожидать при подобном наследовании, а, наоборот, усилена. В этом можно не сомневаться. О да...

Скуратов-Бельский грустно улыбнулся хитроумию и таланту дочери. Его радость, его горе...

Привычно загоня застаревшую боль, стегая ее спасительной яростью, холодной и расчетливой, Никита Силыч глубоко вздохнул и, чувствуя, как успокаивается взволнованный этой вспышкой злости Эфир, невольно усмехнулся. Точно так же непокорные потоки этой вездесущей силы шарахаются от старого гранда, когда он вспоминает о том, как пришлось оставить

титул. О, кто бы знал, как бесила его одна только мысль, что Бельские наследуют его имя. Если бы не нелепая смерть младшего брата на давно отгремевшей войне, то и после ухода Никиты Силыча род Скуратовых-Бельских продолжился бы младшей ветвью. Но увы. Брат сгинул где-то в огненных полях за Одером, не оставив наследников... А теперь благодаря дочери у их рода появился шанс. И он им обязательно воспользуется. Но воистину этим миром правят мертвецы!

Никита Силыч скользнул взглядом по фигуре внука, по его лицу... и как будто себя в молодости увидел. Хм... а мальчишка не так прост. Кажется, даже эфирный ураган, вызванный воспоминаниями деда, его не затронул. Старик присмотрелся к Кириллу... и удивленно хмыкнул. Потоки Эфира вокруг тела юноши только что строем не ходят, если можно так выразиться. Экий... дрессировщик-укротитель, однако. Понятно, почему он никак не отреагировал на возмущение Эфира. Его-то оно никак не коснулось... глаз урагана... ха. Гранд, одно слово. Прав был цесаревич... Что ж, может быть, оно и к лучшему? Паренек явно не сможет прожить жизнь спокойно, как и положено заштатному мещанину. Ни одному гранду такого еще не удавалось, несмотря на то что своего статуса они достигали, будучи уже далеко не юношами. Есть, есть что-то такое в их даре, не дающее лениво разлечься на печи... А тут – гиперактивный пятнадцатилетний паренек на самом гребне гормональной волны, и он уже гранд... Как бы беде не случиться... А за разрушенную столицу государь по головке не погладит точно...

Отвлекаясь от каких-то своих дум, и явно нелегких, судя по тому, как бурлил Эфир, дед наконец вернулся на грешную землю и потянулся к кранику бочонка. Ну да, опомнился, называется. Он тут будет в эмпиреях витать, а я сиди, скучай в ожидании? Вот уж на фиг.

– Кхм, мы что, уже все выпили? – мимоходом удивился Никита Силыч и заорал так, что у меня уши заложил: – Ефимий, щучий сын! Тащи второй бочонок!

Очередной дубовый толстячок оказался на столе быстро и незаметно, а Ефимий так же быстро исчез из комнаты. Старик проводил его взглядом и, убедившись, что тот достаточно плотно закрыл за собой дверь, наполнив обе чарки до краев, усмехнулся мне в лицо.

– Ну что, Кирилл Николаевич, будем делать из тебя настоящего гранда?

– Э-э? – А что тут можно было ответить!

Серебро в наших руках глухо звякнуло, и... хотелось бы сказать, что предложение Скуратова-Бельского было мною тут же с благодарностью принято, но нет. Мы еще добрых три часа обсуждали условия моего обучения, и только договорившись о частностях, которые дед так и норовил назвать мелкими и несущественными, хлопнули по рукам. Ну, это для него были мелочи, а вот я придерживался другого мнения. Особенно касательно сроков и графика учебы. Да и учебой в полном смысле слова это было не назвать. Скорее уж курсы повышения квалификации.

Как бы то ни было, но по результатам нашей договоренности мне пришлось поставить крест на планах по скорому возвращению домой. Правда, в ходе беседы я выторговал себе пару выходных на празднование Нового года и православного Рождества, но вот о затее получить сертификат о полном среднем образовании сразу после окончания рождественских каникул, кажется, придется забыть. Я просто физически не успею подготовиться к экзаменам.

– Чего скис, Кирила? – усмехнулся дед.

– Да вот хотел директору гимназии пилюлю подложить, а теперь, боюсь, у меня на эту затею не хватит времени, – задумчиво протянул я.

– Ну-ка, ну-ка... – заинтересовался Скуратов. – Рассказывай, что ты там задумал.

– Да ерунда. Он ведь давил на плохую успеваемость, прогулы... В общем, в документах об отчислении выставил меня таким не желающим учиться дебилом. – Я развел руками. – Понятное дело, что, если вздумаю подать документы в другую школу, характеристику и полный приказ из гимназии там затребуют вместе с промежуточными итогами моего обучения, кото-

рых просто нет, поскольку триместровых контрольных я не писал и тестов не сдавал. И сильно сомневаюсь, что написанное там понравится тем, кто будет читать это творчество моего бывшего директора, так стремившегося угодить моему бывшему опекуну. Вот при получении этих документов я и задумал ответить на эту гадость, так сказать, асимметрично.

– То есть?

– Сдать экзамены экстерном в городском образовательном совете, после рождественских каникул, – со вздохом ответил я. – А теперь придется перенести эту затею на февраль, если не на март.

– Думаешь, твоему бывшему директору будет хоть какое-то дело до этого? Мальчишеская выходка, и только. А если ты умудришься провалить экзамены и сам сядешь в лужу, так это и вовсе будет ему только в радость, – фыркнул дед.

– Может быть. Но в своих силах я уверен, а директор может делать вид, что ему нет никакого дела до отчисленного им ученика... но только до тех пор, пока об этом курьезе не станет известно в свете. Думаю, попечители оценят такую демонстрацию профессиональных качеств господина директора по достоинству. – Я позволил себе легкую ухмылку. – А уж если слухи о педагогической «удаче» директора гимназии пройдут литературную обработку Елены Павловны...

– Елены Павловны? Ты имеешь в виду Великую Мегеру? – Дед расплылся в широчайшей улыбке и захохотал. – Кирилл, беру свои слова назад! В таком виде твоя идея просто обречена на успех. Если, конечно, ты сможешь получить сертификат... Впрочем, тут я могу тебе помочь, в рамках нашей договоренности. Что скажешь?

– Возражать не буду точно, – согласился я. – Когда приступим?

– Да вот завтра с утра и начнем. – Дед бросил взгляд на часы, стоящие на столе, и хмыкнул. – Точнее, уже сегодня. Время – третий час ночи, так что давай-ка, внучок, по кельям и баиньки. Подъем в монастыре в шесть, а ты хоть и не послушник, но уж трудником тебя назвать точно можно, так что устав распространяется и на тебя.

– Устав... а как же это? – Я обвел рукой окружающую нас обстановку и завершил жест хлопком по ополовиненному бочонку.

– У Аркажского монастыря в некотором роде особое положение, как и у его монахов, – чуть помедлив, ответил Скуратов-Бельский. А заметив мою недоверчивую ухмылку, вздохнул. – Трудно объяснить это непосвященному... да и разговор займет много времени. А потому давай перенесем его до удобного момента. Или... можешь расспросить о нашем монастыре своего будущего тестя. Он по долгу службы кое-что о нас знает. Немного, но... и тебе пока большего знать не надо.

– Понятно... Ладно, мне не к спеху, – кивнул я, поднимаясь с кресла. Значит, по долгу службы, да? Интересно... очень. Впрочем, пока это действительно ни к чему. Но зарубочку в памяти насчет Бестужева-старшего я сделаю.

– Вот и договорились. – Старик поднялся следом. – Я позову Ефимия, он тебя проводит. Ты бреешься?

– Хм, пока нет. – Для верности, я даже рукой по щеке провел. – А к чему вопрос?

– Чтобы отдать правильные указания Ефимию, – усмехнулся Скуратов. – А то с него станет с утра потащить тебя к брадобрею, как всех наших послушников и трудников. Оно тебе надо?

М-да уж, терять полчаса сна только потому, что ретивый «погонщик послушников» решит приобщить меня к тайне бритья, как это необходимо по уставу монастыря, мне как-то не очень хочется.

Попрощавшись с дедом, я последовал за все тем же Ефимием и, миновав пару лестниц и несколько гулких коридоров, оказался перед одной из низких, глубоко утопленных в стену дверей. Честное слово, не зная я, что нахожусь в монастыре, решил бы, что это тюрьма. Впро-

чем, обстановка в келье совсем не напоминала камеры. Небольшое квадратное помещение с белеными стенами, простая, но добротная мебель... Шкаф для одежды, для книг, бюро с удобным креслом, мягкая кровать... И дверь, ведущая в ванную, где, как в хорошем отеле, есть все необходимое для приведения себя в порядок. Да, похоже, Аркажский монастырь действительно особое место.

Поблагодарив сопровождавшего меня монаха и получив от него ключ от кельи, я наконец остался один и, последовав совету одной книжно-киношной героини, решил перенести размышления о встрече с дедом на завтра. А сейчас – в душ и спать!

Глава 2

Отелло рассвирепело

Когда Никита Силыч заявил, что я должен подчиняться уставу монастыря, я и не думал, что дело пойдет так далеко. Но уже утром следующего дня бывший вчера таким покладистым и незаметным брат Ефимий почти мгновенно доказал, что его начальник вовсе не имел цели меня напугать, а лишь констатировал факт. Так что сразу после скудного завтрака, куда Ефимий меня буквально отконвоировал, чтобы я опять не сбежал, как с церковной службы часом раньше, меня определили на работы... в информационном зале. Ага, у меня глаза на лоб полезли, когда я увидел, что именно здешние монахи понимают под словом «библиотека». Где ряды пыльных книжных полок, где фирменная библиотечная тишина? Экраны, экраны, экраны... И куча народу в одинаковых темно-серых балахонах, носящихся меж вычислителей и сетевых стоек, спорящих, потрясающих друг у друга перед носом какими-то распечатками... На новичка – ноль внимания. А зачем, если персонально за мной наблюдает как минимум два десятка стационарных фиксаторов? Так началась моя учеба в Аркажском монастыре.

Признаюсь, даже за оставшиеся несколько дней до Нового года я успел узнать много нового, и не только по школьной программе, но и в области Эфира. Да и сам смог кое-чем удивить занимавшегося со мною деда. Например, его поразило, с какой скоростью я освоил ускоренное восприятие. А я все мучился, пытаюсь скрыть сопутствующие ему укрепление и усиление тела. Разгон это, обычный мой разгон! Ну почти.

Ну да, кто бы мог подумать, что им можно пользоваться для подготовки к экзаменам? И ведь ничего сложного. Да, Там я бы не мог продержаться в подобном режиме даже в лучшие свои годы больше нескольких минут без того, чтобы не рухнуть в обморок от истощения, но здесь-то у меня такой проблемы нет. Вон когда бежал закапываться в могилку, что устроила для меня Ирина Михайловна, я же под разгоном почти пятьдесят километров одолел. И ничего. Устал, конечно, как собака, но не до обморока же. Возникни в том нужда, я бы еще столько же отмахал. Черт, да я, закапываясь после той пробежки, вымотался больше, чем за время, потраченное на бег от усадьбы Громовых до карьера. Инерция мышления, должно быть.

Для меня разгон всегда был боевым приемом, а Скуратов наглядно показал, для чего ускорение восприятия используется эфирниками. Вычисления, усвоение и анализ информации и прочие вещицы в том же духе. Кстати, именно под таким вот ускорением дед и размышлял над моим рассказом во время нашей первой встречи. И как он сам потом признался, ему тогда пришлось несколько раз почти полностью отключаться от внешнего мира, поскольку на просчет такого большого количества вариантов и вероятностей обычным способом ушло бы не меньше недели. Страшно подумать, во сколько раз ему пришлось «разгонять» свои мозги... И как они после такого издевательства вообще у него из ушей не вытекли.

А еще, демонстрируя эту технику, дед не преминул несколько раз повторить, что, находясь в таком состоянии, двигаться нужно очень медленно и плавно, потому что уже двойное ускорение восприятия может привести к травмам. О возможном усилении и укреплении тела здешние гранды, как я и подозревал, даже не догадываются. Тоже инерция мышления, наверное. Ну и черт с ним. Им же хуже. А раскрывать свои умения, выворачивая карманы и высcreбая их до доньшка на потеху любопытным, я не собираюсь. Тем более что я до сих пор так и не смог разобраться с одной очень важной вещью. А именно – зачем вообще Скуратов-Бельский нарисовался в моей жизни... Или, точнее, зачем я ему понадобился.

Можно было бы, конечно, попытаться задать ему этот вопрос в лоб, но где гарантия, что я получу честный ответ? Или вообще хоть какой-то ответ, кроме делано-разочарованного вида и сожаления, что «молодежь совершенно позабыла о том, что такое родня». С него станется...

Празднование Нового года и Рождества, на которые Скуратов-Бельский с кряхтением отпустил меня в столицу, прошло штатно и без сюрпризов. И кстати, кряхтел дед вовсе не потому, что не хотел расставаться с неожиданно обретенным внуком, а потому что для поездки домой я стряс с него монастырский экраноплан. И все-таки дожал. Впрочем, долго изображать сердитого деда он не стал. Даже подарком одарил. Миниатюрным таким пистолем вычурного вида, больше похожим на наградную игрушку – из тех, что главнокомандующие дарят своим генералам с тем же намеком, с которым Гитлер сделал Паулюса фельдмаршалом.

Хмыкнув при виде подарка и поблагодарив за него, я попрощался со Скуратовым-Бельским и, выслушав заигравшегося в заботливого родственника старика, наставлявшего зачем-то почаще вспоминать о членстве в клубе «Девяточка» и всех привилегиях, которые дает мой абонемент – «его номер, я надеюсь, ты не забыл, внучок, хе-хе?», – я постарался побыстрее покинуть окрестности монастыря. Подальше от учебы, поближе к праздникам! В конце концов, я соскучился по своей невесте!

Экраноплан доставил меня в столицу за считанные часы. Не самолет, конечно, но уж точно побыстрее, чем на поезде или дирижабле. Да-да, воздухоплаватели и аппараты легче воздуха здесь вовсе не развлечение, а обычный вид воздушного транспорта. Впрочем, самолеты тоже имеются, но используются они по большей части военными. А на долю гражданской авиации остаются лишь вертолеты, летающие туда, куда невозможно протянуть железную дорогу, да немногочисленные «джеты», используемые сильными мира сего. И кстати, не каждый род может позволить себе содержание личного борта, да и вообще реактивной авиации. Привилегия, даруемая монархами, не хухры-мухры. А про боевые самолеты можно вообще не заикаться, даже винтовые. Князьего мятежа в России всему миру хватило. Посмотрели, ужаснулись, запретили. С тех пор боевая авиация принадлежит исключительно государствам. Это при том, что в некоторых странах у именитых даже собственные военные корабли имеются.

Как бы то ни было, чтобы добраться до Москвы, мне хватило и экраноплана, так что оба праздника – и Новый год, и Рождество – я встречал в обнимку с Олей. И единственным событием, немного омрачившим радость праздника, было заявление Бестужева-старшего о его отставке с должности. Впрочем, сам Валентин Эдуардович по этому поводу особо не унывал. Он вообще, кажется, воспринял свое новое положение отставника с заметным облегчением.

А вот Ольга явно намеревалась записаться в трудоволики, так что мне с большим трудом удалось вытащить ее из бестужевского гаража. Впрочем, от этой ее одержимости техникой был определен толк. К концу моего пребывания в монастыре нареченная с Роговым смогли отладить два из пяти «Визелей» и, убедившись, что все работает штатно, взялись за третий, одновременно начав поглядывать и облизываться на «монстрика». Но тут их ждал грандиозный облом. Потому как единственной частью спассплатформы, которую я готов был отдать в их очумелые ручки, был «филей» моей вырвиглазной машинки, так как именно там размещались пожарные скафы, место которых по плану должны были занять два наших с Олей ЛТК, вместе со своими сервисными системами. Остальным по идее должны были заняться профессионалы из одной небольшой фирмочки, занимавшейся строительством домов на колесах на базе континентальников. Саму фирму отыскала Ольга, убедив меня, что эти ребята знают толк в своем деле. И она же взяла на себя труд общения с подрядчиком, благо необходимый минимум требований мы с ней успели выработать заранее.

Технари фирмы оказались такими же фанатиками, как и Оля с Жорой. А уж когда они увидели основу, над которой им предстояло потрудиться... В общем, думаю, вырвать у них из рук этот заказ можно было, только отрубив эти самые руки и проредив челюсти, чтобы не вцепились в него зубами, либо снизив стоимость работ. Мироеды от пролетариата, чтобы

им... Сорок тысяч только по предварительным подсчетам! А если учесть цену самой платформы, это же вообще получается цена обоих ЛТК... Без СЭП¹ и вооружения, но тем не менее.

Правда, первый предложенный Ольге проект модернизации спасплатформы, как и последующие два, мы с ней безжалостно зарубили. Просто потому что дизайнеры фирмы явно как-то неправильно поняли суть заказа и попытались сначала втюхать нам проект борделя на колесах, потом что-то гламурное со стразами и обитыми зебрычей кожей диванами, и лишь когда мы отклонили третий вариант, представлявший собой какой-то дичайший хайтек с роботизированным унитазом, эти рисовальщики догадались все же прислушаться к мнению заказчика и советам собственных технарей, уже успевших раскидать спасплатформу на части и теперь изнывавших от нетерпения и желания приступить к работе. Правда, для этого пришлось навестить эту самую фирму лично.

Это было даже забавно, и, в отличие от Ольги, я не особо злился, рассматривая очередной безумный проект дизайнеров, почему-то решивших, что в универсальной платформе, предназначенной для поездок по пересеченной местности, обязательно должен быть «погребок» для коллекционных вин. Ну, чтоб понятнее было, это все равно что поставить в танк аудиосистему hi-end класса, причем ламповую. То есть запихнуть можно... но смысл?!

Как результат, Ольга, смяв распечатку последнего из предложенных дизайн-проектов, тяжело вздохнула и потянула меня на встречу с представителями фирмы-подрядчика. Но вместо того чтобы рвать в клочья выдумщиков-дизайнеров, оказавшись на территории предприятия, она тут же свернула в сторону гаражей, где в открытых воротах как раз виднелся остов нашей платформы и сложенные у стены характерно-оранжевые панели ее корпуса.

Найти ответственного за фронт работ по нашему заказу оказалось проще простого. Нестарый еще, жилистый, но абсолютно седой дядечка в чистом синем комбезе восседал на стуле чуть в стороне от остова платформы и задумчиво рассматривал раскиданные по полу в ясно видимом только ему порядке детали машины.

– Виктор, если я не ошибаюсь... – пропела Оля, отвлекая задумавшегося технаря от созерцания того, что еще недавно было новенькой спасплатформой.

– Он самый, – бросив на мою нареченную короткий, но тут же замаслившийся взгляд, ответил он и, подскочив с места, договорил уже куда более дружелюбным тоном: – Виктор Брыкин, старший техник. А вы? Стоп, вы – Ольга, да? Это с вами мы обсуждали возможность модернизации спасплатформы? Я вас узнал, но в жизни вы куда красивее, чем на экране коммуникатора.

М-да, красота – страшная сила. Мы только вошли, а этот самый Виктор уже व्यюном вьется вокруг Ольги и заливается что тот соловей. Меня же не видит принципиально. А Оля и рада... Черт! Но как же от этого уroda фонит похоть, а! Меня аж передернуло. Почему-то в голову пришло воспоминание о подвале на базе наемников...

Поймав отзвук моих эмоций, улыбающаяся технику нареченная бросила на меня короткий взгляд и чуть растерянно пожала плечами. Мол, я не хотела, он сам пришел... Ну-ну. Эмоциональный щит захлопнулся так, что Оля вздрогнула... и зашарила по Эфиру в поисках обрвавшейся связи между нами. Я ревную? Ну... да. И что?

– Виктор, отвлекитесь на один момент от общения с моей невестой.

Холодный тон юнца, пришедшего вместе с очаровательной заказчицей, заставил старшего техника недовольно поморщиться.

– Извините, молодой человек, но я занят беседой с клиентом. Если у вас есть заказ, обратитесь в офис компании, – бросил он, отмахиваясь от мальчишки.

¹ Система эфирного противодействия.

– Однако какое трепетное отношение к заказчикам... Что ж, спасибо за совет. – Парень улыбнулся и занялся своим браслетом. Вот и замечательно. Пускай фигней страдает, а Виктор займется этой цыпочкой. Хм, а что это она так растерянно смотрит? А... стоп, это его невеста? Ну и черт с ним, не жена ведь, а жених не муж... да и муж не стена, подвинем.

Да только не успел Виктор распушить хвост перед красоткой, как в ангар даже не вошел, а влетел директор фирмы. Старший техник поморщился, поняв, что его сейчас опять прервут, и уже приготовил для цыпы витиеватые извинения с одновременным предложением о встрече за чашкой кофе... Но директор, не обратив ровным счетом никакого внимания на Виктора, остановился перед юнцом.

– Добрый день, Сергей, – улыбнулся мальчишка.

– Здравствуйте, Кирилл, – кивнул директор, и Виктор помимо воли насторожился. – Что-то случилось?

– Да не то чтобы... – пожал тот плечами. – Вот приехали с невестой переговорить о проекте, поскольку у дизайнеров ваших явно фантазия куда-то не в ту сторону работает. Ну а перед тем как вправлять им мозги, решили взглянуть на машину. И знаете, как-то желание забрать заказ крепнет каждую минуту.

– Стоп-стоп-стоп, Кирилл. Подождите, – нахмурился директор. – Как забрать? Почему?

– Потому что ваши специалисты ни во что не ставят мнение заказчика. И ладно бы это касалось технической части, в которой я, в отличие от моей невесты, полный профан, но ведь они же никак не могут взять в толк, что мне нужна не машина для эпатирования публики и покатушек на пикник, а полнофункциональный жилой модуль на колесах, с большим сроком автономности. Это раз. Ну и второе – это грубость вашего технического персонала, граничащая с оскорблением. Я, конечно, понимаю, что общаться с красивой девушкой куда приятнее, чем разговаривать с заказчиком, но, если не ошибаюсь, у господина Брыкина сейчас рабочий день... не так ли?

Виктор, до которого начало доходить, что он только что своими руками чуть не лишил фирму как минимум четверти годового дохода, похолодел. Дьявол! Опять у него проблемы, и опять из-за баб! Да сколько можно-то?!

Переговоры закончились вполне успешно. Ольга взяла на себя техническую часть, а я занялся, так сказать, начинкой будущего жилого модуля. Вправить мозги дизайнерам удалось довольно просто. Достаточно было продемонстрировать им военный образец подобного модуля, производимый все тем же пресловутым «Гром-заводом», и дать лишь одно пояснение-требование: то же самое, только комфортнее. И фантазеры под тяжелым взглядом директора компании тут же понимающе закивали. Фух, зато теперь я мог быть уверен, что в машине не появятся «уникальные по своим характеристикам материалы», «дверные ручки из белого золота», «эксклюзивное дерево в отделке, с тщательно подобранным рисунком», и прочие выверты удовлетворяющих свои комплексы нуворишей. Единственное, что негативно отразилось на моем настроении после переговоров, это расстроенные взгляды Ольги и ее обида... Можно подумать, это я перед тем технарем попой крутил!

Не обратив никакого внимания на просьбу нареченной отвезти ее в бестужевскую усадьбу, я довез ее до своего дома и чуть ли не отконвоировал в гостиную. И лишь усадив за стол и поставив на него пару чашек кофе, я опустил щиты, чтобы тут же получить мощнейший удар непонимания и обиды в эмоциях невесты.

– За что, Кирилл?! – поняв, что связь вновь заработала, вскинулась Оля, запыхав гневом. Словно рубильник перекинули.

Я вздохнул и, отыскав в шкафу сигареты, прикурил последнюю оставшуюся в пачке. Машинально запущенное воздушное воздействие тут же потянуло поднявшийся дымок пряником в открывшуюся форточку.

– Оля, успокойся, пожалуйста, – попросил я, наблюдая, как нареченная все больше и больше ярится.

– Успокоиться? Мне? А может, это тебе нужно было успокоиться еще там, в ангаре?! Выставил себя ревнивым идиотом! А меня полной дурой! – вспыхнула Ольга.

Я внимательно посмотрел на нее и... пожал плечами. А что тут скажешь, если она не чувствует Эфир так, как я, и пока не умеет воспринимать чужой эмоциональный фон? Но объясниться как-то надо... На фиг мне нужны домашние скандалы?

Я отключил оповещение сигнализации, предупредившей о приближении какой-то машины, и вздохнул.

– Ты приняла поползновения этого технаря за обычный флирт? Так я тебя разочарую, милая. Это была похоть... причем в чудовищной концентрации! Поверь, я не ошибаюсь. Последнему человеку, лелеявшему те же мысли о тебе, что и этот Виктор сегодня, я перерезал горло. Это было в подвале базы наемников «Северной Звезды».

Я взглянул в глаза невесты и застыл. От нее плеснуло страхом, а в следующую секунду Оля закрылась от меня.

Кажется, я сделал только хуже...

– Ты... ты маньяк! – Ольга подскочила со стула и, схватив с вешалки куртку, рванула на выход... чтобы застрять в дверях, нос к носу столкнувшись с Хромовым. – Аристарх Макарыч, мы едем домой. Отвезете меня?

– Прямо сейчас? – недоуменно переспросил тот и, получив в ответ решительный кивок, растерянно пожал плечами. Наверное, он хотел что-то спросить, но Ольга уже потянула его на выход.

Останавливать? Зачем? Пусть успокоится, потом поговорим. Сейчас она все равно никаких слов и объяснений не поймет. Просто не захочет.

Хлопнула входная дверь, и в доме воцарилась тишина. М-да, дипломат из меня получился хреновый. И косноязычный. Ну вот что мне стоило начать объяснения с принципов эмоциональной чувствительности? Блин, да этот урод готов был Ольгу прямо там разложить! Что я, не понял, что ли? Меня же его похотью чуть с ног не сбило, так что самому закрываться пришлось. А эта... Да ну его все к черту!

Я затушил так и не выкуренную мною, сгоревшую в пепельнице сигарету и, пошарив по карманам, чуть не сплюнул. Последняя. Ну вот, все не слава богу...

Оглядевшись по сторонам, растерянно хмыкнул... И что мне теперь делать? Я бездумно зашагал по комнате, касаясь то одного предмета обстановки, то другого, а перед мысленным взором застыл страх в глазах Ольги... Не-не-не... Ну его все куда подальше. Мне нужно проветриться.

Встрепенувшись, я направился в спальню, а когда перешагнул порог, браслет на моей руке вдруг затрезвонил. Оля? А, нет... Вердт.

Хм. Я перевел взгляд с браслета на оружейный сейф. Полигон бронеходов или «Девятка»? Но тут же опомнился и ответил на звонок.

– Здравствуй, Вячеслав. – Я натянуто улыбнулся.

– Здравствуй, здравствуй, друг мой! – откликнулся бронеходчик. – Кирилл, ты не забыл, что на завтра у тебя назначена встреча?

Честно говоря, я даже сначала не понял, о чем речь. А когда до меня дошло...

– Э-эмм... Разумовский, да? – вздохнул я.

– О! Замечательно. Помнишь, значит. Это хорошо. А то ты как исчез перед праздниками, так ни слуху, ни духу. Я уж было подумал, что ты с концами пропал, – рассмеялся Вячеслав. – Ладно, встретимся на месте. На всякий случай напомним: дуэль в половине первого, без оружия, в Малом Манеже.

– Спасибо за напоминание. Я действительно чуть не забыл, – развел я руками. – Кстати, насчет встреч. Не хочешь навестить сегодня стрельбище в Преображенском? Я угощаю...

– С превеликим удовольствием, друг мой, – довольно кивнул Вердт. – Во сколько?

– Ну, давай через часок. Подъезжай к «Девяточке», я скажу, чтобы тебя встретили, – прикинув время, ответил я.

– Понял. К восемнадцати ноль-ноль буду на месте. До встречи, Кирилл Николаевич.

– Буду ждать, Вячеслав Еремеевич. – Я слабо улыбнулся в ответ.

Завершив разговор, я хмыкнул. Вот так. И бронеходы, и тир разом. Это хорошо. Ну что ж, буду собираться. Кстати! Я ведь действительно совсем забыл о завтрашней дуэли! Надо же перенести визит учениц на другой день. А то кто его знает, как повернется дело. Прилетит мне, как в том поединке с бретером, и занятие сорвется... Не дело.

Быстро набрав текст сообщения с предупреждением о переносе следующего урока, я разослал его ученицам и принялся собираться в тир. Рюгеры, зауэры... хм, интересно, а с чего это у меня исключительно германский арсенал собирается, а? А если еще и «Визели» вспомнить... Я тряхнул головой, прогоняя мысли, по ассоциации вновь убежавшие к нашей с Ольгой ссоре, и взялся за снаряжение магазинов. Точно, надо отвлечься.

В тире мы с Вячеславом настроились до звона в ушах и дрожания в руках. А вернувшись домой, я еще и небольшую тренировку себе устроил, чтобы уж наверняка отрубиться, едва голова коснется подушки. Меня совсем не привлекала мысль полночи крутиться в кровати, переживая события этого дня. Тем более что завтра мне потребуется свежая голова и все мои силы.

Разумовский, судя по тому что рассказал мне о нем Вердт, боец не из последних. Молод, да, но воя он взял три года назад и сейчас уверенно глушит даже некоторых середнячков. Хотя со старшими вроде бы пока не сталкивался... В общем, нужно быть предельно аккуратным и осторожным. А значит, спать!

Следующим утром я поднялся выспавшимся и спокойным, как удав. Вымылся, оделся в чистое и, отказавшись от завтрака, начал собираться. Время приближалось к одиннадцати утра, так что через полчаса можно было выдвигаться. Я глянул на браслет, где светилося три сообщения от учениц, согласившихся с переносом занятия. Ольга не ответила... Отставить! У меня еще будет время побиться головой о стену. А сейчас – спокойствие, только спокойствие, как говаривал один летающий трикстер. Впереди бой, так что все переживания побоку.

Рыжий взревел мотором и, ломая ледок на лужах просеки, помчал к шоссе, а оттуда в центр города, к Малому Манежу, еще лет триста назад ставшему почти официальным местом решения вопросов чести меж одаренных.

Поздоровавшись с Вердтом и его спутником, худым и нескладным, как Жорик, только нет пока у Рогова той же уверенности в себе, что имеется у полкового врача московских бронеходчиков, привезенного моим секундантом согласно протоколу этой дуэли. Я уселся на одну из лавок, что окружили площадку пустого Манежа, и, закулив сигарету из любезно купленной для меня Славой пачки, задумался.

В отличие от того же бретера или даже Вердта, Разумовский на памятном пиру у Бестужевых оскорблял не меня, а род Бестужевых и конкретно Ольгу. Нагло и беспардонно настолько, что это удивило даже привыкших всегда держать лицо гостей. Рисковал, между прочим. Но слышавший его речь Валентин Эдуардович лишь снисходительно улыбнулся и двумя словами очень вежливо и внешне пристойно окунул молодого боярича в дерьмо. Не сомневаюсь, что у него были свои резоны для такого ответа, а вот у меня их не нашлось. Нет, если бы Разумовский ограничился оскорблениями в сторону рода Бестужевых, я бы не смог вмешаться. Призвать к ответу хама – в этом случае исключительное право главы рода. Но Разумовский сделал ошибку: он задел мою невесту, и спустить его оскорбление на тормозах я не мог. Не имел права.

Хлопнули двери Манежа. А вот и мой противник пожаловал со своим врачом и секундантом. Подтянут, бодр и весел. Замечательно. Повеселимся вместе.

Обменявшись приветствиями с секундантами, мы с Разумовским подождали, пока те решат последние формальности, и, отказавшись от примирения, одновременно шагнули на песок манежа. Ровно и мощно загудели поднимающиеся над нами куполом щиты, отсчет секунданта, и...

Время послушно замедлило свой бег, и я рванул вперед, прямо под ревущую волну взбурдаженного Эфира, сопровождавшего мощную ледяную технику противника. А он на мелочи не разменивается! Ха...

От удара, которого, по логике вещей, он и заметить не должен был, Разумовский ушел. Пусть тяжело и напрягая личную защиту, но уклонился! О-о... да мой противник знает толк в Эфире? Это будет еще интереснее, чем я думал. Рву дистанцию, но стараюсь не удаляться больше чем на три-четыре шага от Разумовского. Мне совсем не улыбается попасть под площадную атаку, а судя по телодвижениям моего противника, он-то как раз рассчитывает именно на такой ход. Фигу. Не даром же я столько лет бился с близняшками. Научился...

Крутимся по манежу, не сводя друг с друга глаз. В прыжке пропускаю под собой еще один мощный прием из школы Тверди и, уходя в разгон, старательно гашу Эфир вокруг, буквально на грани отвода глаз... Сокращаю дистанцию, и защита Разумовского трещит от серии обрушивающихся на нее ударов налитанных Эфиром ладоней. Противник пытается отшатнуться... ну нет. Линза кинетического щита ему под ноги, и Разумовский слетает со своей «ледяной дорожки» и катится кубарем по песку.

Догнав оглушенного, мотающего головой противника, вскидываю его над землей, не касаясь руками, и еще один кинетический щит, маленький, но налитанный Эфиром до сияния, впечатывается в грудную клетку подвешенного в воздухе Разумовского. Для верности тут же формирую второй, и тот врежется Разумовскому точно в лоб.

Глянув на бесчувственного противника, опускаю его наземь и, повернувшись к секундантам, вопросительно приподнимаю бровь. Щиты манежа падают, и представитель Разумовского кивает.

«Ваша победа», – слышу от него и, облегченно вздохнув, шагаю к Вердту. А в следующий миг Эфир за моей спиной взрывается, вздымаясь широким фронтом. Успеваю понять, что от этого удара по площади мне не уйти никак, просто некуда...

И в спину, в момент разметав судорожно выставленный мною эфирный щит, вонзается что-то горячее... Темнота.

Глава 3

Мелочи жизни

Это воскресное утро началось в усадьбе Бестужевых, как обычно, тихо и спокойно. Поздний завтрак, разговоры ни о чем за столом... Лишь на миг Ольге показалось, что отец чем-то озабочен, да Леонид, едва поев, тут же выскользнул из-за стола и умчался, не дожидаясь фирменного десерта от Раисы. Ну мало ли... Вон у Ольги тоже есть неотложные дела. Хочется закончить оставшиеся «Визели» поскорее. И Жорик вот-вот должен подъехать...

Поблагодарив пассию отца за завтрак, Оля поднялась из-за стола и направилась прямо в гараж, где ее действительно уже ждал Рогов, о чем он только что прислал сообщение на браслет. Интересно, а к нему Кирилл ее тоже ревнует?

Вспомнив о женихе, Ольга покачала головой. Последняя его фраза действительно очень ее напугала. Нашел пример, называется... А потом, этот его перенос занятия. Обиделся, надо же! Девушка фыркнула и прибавила шагу.

От переборки бестужевского «Визеля» фанатики от техники отвлеклись, лишь когда на улице уже стемнело. Попрошавшись с Жориком, Ольга покинула гараж и, едва оказавшись в жилой части дома, опешила. Настолько атмосфера отличалась от той, что царила здесь утром. Нет, шумно не было, никаких криков и гвалта. Больше всего происходящему вокруг подходило определение «тихая суета»...

Девушка было насторожилась, но, поняв из обрывков разговоров боярских детей, что все заняты какими-то поисками, махнула на это рукой. Она слишком устала за день, чтобы заморачиваться чьими-то пропажами.

Глянув на браслет, Оля ойкнула и, поняв, что ужин она благополучно пропустила, заколебалась. Можно было бы, конечно, сразу пойти в спальню, принять душ и завалиться спать, но... желудок скромно напомнил о себе. Так что после недолгого размышления девушка свернула в коридор, ведущий в уже пустую по позднему времени кухню. А оттуда, набрав провизии, проскользнула по служебной лестнице на второй этаж и уже через минуту оказалась в своей комнате, надежно отгородившись от внешней суеты запертой дверью.

Уже засыпая, Ольга вдруг вспомнила, что ни вчера вечером, как обещал, ни сегодня Кирилл так и не сообщил, когда состоится следующее занятие... Не похоже на него. С этой мыслью она и заснула.

Утром Ольга бросила взгляд на часы и, возмущенно пискнув, вскочила с постели. До первой пары осталось меньше часа. Проспала!

Ванная, гардеробная... На все про все у девушки ушло полчаса. Окинув свое отражение в зеркале придирчивым взглядом, она хотела уже подхватить с тумбочки рыжий шлем, но тут же отдернула руку и, фыркнув, принялась набирать номер Хромова.

– Да, Оля. Я тебя слушаю. – Глава боярской дружины устало потер покрасневшие от явного недосыпа глаза и откинулся на спинку кресла.

– Аристарх Макарович, мне в университет нужно. Подгоните машину ко входу.

– Э-эмм... Оленька... – Хромов поморщился. – Извини, тут такое дело, сама понимаешь, все машины в разгоне... Хм... но мы что-нибудь придумаем. Подожди минуту...

Оля, честно говоря, ничего не поняла, но спорить не стала. Тем более что не прошло и обещанной минуты, как Аристарх вновь появился на экране.

– Машина у входа, Оля. Езжай. – И отключился.

Обещанной машиной оказался парадный вездеход отца. Бронированное чудовище с флажками на капоте... Хм, кажется, действительно все машины в разгоне, если уж Хромову пришлось выкатывать ей это!

Покачивая головой, Ольга хмыкнула и, забравшись на заднее сиденье гигантского «Руссо-Балта», развернула экран коммуникатора. Со всеми этими «Визелями» она совершенно забыла подготовиться к сегодняшнему семинару...

Из университета девушку забирал уже другой автомобиль, чему она была несказанно рада. В университете, где учатся не только именитые и боярские дети, очень не приветствуются такие вот демонстрации своего положения. Так что Ольга даже получила замечание от декана о нежелательности повторения подобных выходок. А неожиданный тест по рунике тем более не повысил ее настроения. В общем, домой Ольга приехала недовольная и злая... Чтобы тут же попасть в загребушие руки близняшек. Оля попыталась было вырваться, но стоящая здесь же новая ученица Кирилла не дала ей ни малейшего шанса. А тут еще и отец нарисовался.

– Что с твоим браслетом? – даже не поздоровавшись, спросил он.

– А что с ним? – не поняла Ольга. Подняв руку, она внимательно взглянула на запястье. Ее дорогой, украшенный золотыми капельками браслет послушно активировался, но связываться с кем-либо не пожелал. – Ой.

– Хм... – Отец покачал головой. – И где же тебе его заглушили-то, а?

– Где-где... В твоём членовозе, – нечаянно вырвалось у Ольги слово из Кириллова арсенала. И пояснила: – Извини. Я в университет ездила на «Руссо-Балте», а в нем, сам знаешь, любая чужая связь глушится напрочь.

– Ясно, – хмуро кивнул отец, даже не сделав замечания по поводу столь оригинального имени для парадного автомобиля, и повернулся на звук хлопнувшей двери. – Леня! Ну что?

– Глухо, отец. Никто ничего не знает, – развел тот руками, устало опускаясь на банкетку. Близняшки тут же загомонили что-то вразнобой. Немедленно вклинилась Елизавета Филиппова, а Ольга поняла, что она чего-то не понимает.

– Да что случилось-то?! – воскликнула девушка...

И в холле тут же воцарилась полная тишина. На Оле скрестились взгляды всех присутствующих, включая отца и неизвестно откуда вынырнувшего Хромова.

– Хм, Мила, тебе не кажется, что кто-то вполне может знать ответ на наш вопрос? – протянула Лина, смерив дочь хозяина дома подозрительным взглядом.

– Кажется, Лина. – Руки близняшек сжали запястья Ольги, и два почти одинаковых голоса в унисон прошипели:

– Где Кирилл?

Оля обвела недоуменным взглядом окруживших ее людей и тряхнула головой. Что?

– Не знаю, – проговорила было... И тут до нее дошло. – Что значит «где Кирилл»?!

Он что, пропал?

– Она не знает, – гулко констатировал Хромов, не сводя глаз с ошарашенной девушки.

– Понял уже, – вздохнул боярин и махнул рукой. – Идемте в кабинет. Там поговорим. Нечего тут на весь дом орать...

Вся компания гурьбой повалила к лестнице, а Ольга вдруг поймала на себе взгляд близняшек и вздрогнула. Даже в начале их знакомства, когда девушки совсем не испытывали друг к другу дружеских чувств... Недоверие, злость, раздражение – все это было, но не в такой концентрации!

Оказавшись в кабинете, отец дождался, пока все рассядутся кому где удобно, и только после этого заговорил.

Ольга была в ступоре. Нет, в ужасе! То, что рассказал отец, просто не укладывалось в ее голове. Оказывается, в пятницу, когда она поссорилась с Кириллом, тот прислал всем ученицам сообщение о переносе занятий на неопределенный срок. Всем, а не только ей! А в субботу он отправился на дуэль. Один из тех вызовов, что Кирилл набрал на пиру в честь дня рождения отца... И о котором Ольга, как уже повелось, опять узнала лишь после самой дуэли.

Кто победил, а кто проиграл, неизвестно. Но утром в воскресенье Преображенский приказ арестовал Евгения Разумовского, с которым за день до этого Кирилл дуэлировал в Малом Манеже, а уже после обеда Боярская дума объявила о казни² старшей ветви рода Разумовских, наследником которой был дуэлянт. Все их имущество, за вычетом компенсации, постановлено отобрать в казну, герб передан младшей ветви, а сам Евгений Разумовский лишен всех званий и регалий и отправлен в ссылку навечно. Причиной этого решения стало использование Разумовским на дуэли не оговоренного в протоколе артефакта «Малый Центавр», установленного на автоматическую активацию по условию.

А Кирилл исчез... вместе с секундантом и полковым врачом московских бронеходчиков. В полку, по уверениям офицеров и лично полковника Вяземского, их нет, дома тоже. Приказные мечутся по столице как ужаленные.

– Вчера, пока ты копалась в гараже с... машинами, мне нанес визит мой... бывший коллега Исидор Разумовский с новым главой рода. Войны не будет. Род отрекся от Евгения сам, еще до решения государя и Боярской думы, – закончил свой рассказ боярин Бестужев и поднял глаза на дочь. – Вот такие дела, Оленька. Мы подумали, что ты можешь что-то знать о местонахождении Кирилла... Уж больно спокойной ты выглядела.

– Я не зн-нала, – выдохнула Ольга, чувствуя, как живот сводит от страха, а в груди поднимается волна паники. На глаза навернулись слезы, перехватило горло... но она все-таки выдавила из себя окончание фразы: – Мы пос... поссорились в тот вечер... и Аристарх М-макарович отвез меня домой. И-и все...

– Успокойся, дочь. – Голос донесся до нее словно издалека.

Она обвела комнату взглядом. Темно... холодно...

Резкий удар наотмашь по щеке вырвал девушку из едва не начавшейся истерики.

– О чем вы спорили? Почему поссорились? Рассказывай. – Оля посмотрела на того, кто посмел ее ударить, и ошеломленно охнула. Леонид вперился в сестру тяжелым, совершенно отцовским, немигающим взглядом. – Ну!

Оля покосилась на внимательно наблюдавшего за ними боярина, но тот даже не пошевелился. Просто ждал. Девушка с силой втянула носом воздух и, вспомнив о тренировках, задышала так, как учил ее Кирилл. Такая гимнастика действительно успокаивает... хоть чуть-чуть...

– Мы обсуждали присланный нам проект модернизации купленной Кириллом спасплатформы... – почувствовав, что уже может говорить не срываясь, произнесла Ольга. А когда закончила оказавшийся довольно коротким рассказ, завершившийся ее отъездом из дома Кирилла вместе с так удачно завернувшим в гости Хромовым, в кабинете повисла тяжелая тишина.

– О том, что Кирилл был на базе наемников, никому ни слова, – тихо произнес боярин Бестужев, внимательно глядя на близняшек, а когда те кивнули, перевел взгляд на Елизавету.

Та повторила жест сестер.

– Я знаю, что такое тайна учителя, Валентин Эдуардович. Не сомневайтесь, – проговорила она.

– А ты, сестричка, дура, оказывается, – глянув на Ольгу, неожиданно протянул Леонид.

– Не думал, что так скоро соглашусь со словами Лени. Растет парень, – буркнул Хромов и, покачав головой, с сожалением посмотрел на Ольгу. – Все гранды – поголовно эмпаты. И закрылся Кирилл в ангаре не от тебя, а от чувств того долбаного техника. Кстати, надо бы шепнуть полиции, пусть проверят этого самого Виктора... Это же каким должен быть напор эмоций, чтобы от них пришлось закрываться, дабы не сорваться?!

² Речь идет о казни гражданской – о лишении прав и привилегий.

Ошеломленная отповедью, Ольга взглянула на близняшек и вздрогнула. Такого презрения в их глазах она никогда не видела. За что?!

Худой и нескладный, то и дело поправляющий сползающие на нос очки в тонкой изящной оправе, врач, средних лет мужчина с уставшим лицом, крутил в руке только что снятый стетоскоп и тихо, но яростно что-то выговаривал сидящему на неудобном стуле собеседнику, молодому человеку лет двадцати – двадцати трех, одетому в точно такой же мундир, как и тот, что выглядывал из-под белоснежного халата расхаживающего перед ним врача.

– Да все я понимаю, Осип Михайлович. Все, – дождавшись перерыва в речи собеседника, так же тихо проговорил молодой офицер, невольно покосившись на койку, почти невидимую за добрым десятком окруживших ее медартефактов. – Но ты сам подумай! Сначала профессиональный брестер, потом этот Разумовский с военным артефактом. Да не абы каким! Что я, не знаю, что ли! Эти «центавры» используют только против ТК, понимаешь? Убить он Кирилла хотел, наверняка. Не на дуэли победить, а грохнуть, да так, чтобы даже пыли от противника не осталось. Не бывает таких совпадений.

– И что теперь? От каждой тени шарахаться? Ладно, эти три дня... ну еще пару... его никуда везти нельзя будет, но потом... Потом понадобится оборудование, которого у меня в принципе нет. Это же полевой госпиталь, а не боярский медбокс или Первоградская! Мне без аппаратуры придется над ним работать недели три, не меньше, неотрывно, Слав! А если еще какой бедолага сюда загремит? Или, не дай бог, у Кирилла осложнения начнутся – так ведь я не мастер Эфира, контроль точно не удержу. Своими руками, получается, парня на тот свет отправлю! И Лавров в увольнении... – Врач покачал головой и закончил уже другим тоном, без малейшего следа раздражения: – Думай, Слава, что делать... Должны же у него быть родственники, друзья... Да тот же Бестужев, отец его невесты!

– Понимаешь, Осип Михайлович, я тут... не уверен... – тихо протянул молодой офицер, и вряд ли кто-то сейчас смог бы признать в этом чрезвычайно серьезном хмуром человеке Вячеслава Вердта, первого повесу и балагура Московского гвардии бронеходного полка. – А если за всеми этими покушениями он и стоит?

– С ума сошел? – опешил врач.

– Нет-нет, ты дослушай, – жестом остановил уже готового взорваться собеседника Вердт. – Когда помолвку только затеяли, Кирилл, как он сам шутил, только в проекте числился. И родители его живы были. Богатая семья богатого рода. А тут – вместо отпрыска Громовых какой-то эмансипированный юнец, без копейки денег и малейшего намека на родовые связи. Мещанин... да еще, судя по всему, каким-то образом попавший под колпак приказных. Понимаешь?.. И отец этого Разумовского в одном приказе с Бестужевым служил. Чуть ли не под его началом. Правда, оба уже в отставке, но... кто его знает, что там и как, а?

– Во-от оно что... – присев на табуретку, протянул врач. – То-то полковник на меня зверем смотрел...

– Я не говорю, что это на самом деле так, но... ведь возможно, согласишься?

– Хм... – Собеседник Вячеслава покачал головой и, не ответив, задал встречный вопрос: – А Громовы что?

– Я им не верю. Ходили в конце лета слухи, что они Кирилла вообще изгнать собирались, да с чего-то передумали и отправили в «свободный полет». – Вердт скривился. – Вот и выходит, что нет у него никого и ничего.

– Ох-ох-ох. Ввязал ты меня в историю, Слава. – Осип Михайлович замолчал, пожевал губами... И вдруг, вскинувшись, ткнул пальцем в своего собеседника: – В одном ты не прав. Один друг у него имеется. Звони своему батюшке, будем договариваться об отправке Кирилла в его клинику.

– Да он же меня даже слушать не будет, господин майор! – От возмущения Вердт чуть не закричал, но вовремя спохватился и убавил громкость.

– Дурак ты, лейтенант. Звони отцу, я с ним договорюсь. Заодно, глядишь, и помирится. Ну! – построжев, рыкнул врач, и Вячеслав, обреченно вздохнув, принялся набирать номер отца.

Но не успел он активировать вызов, как с улицы раздался вой сирены: приглушенный тройным стеклопакетом, он тем не менее был отчетливо слышен даже тут, в палате полкового госпиталя, негромко, но отчетливо.

– Тревога? – недоуменно протянул врач и, поднявшись с табурета, выглянул в окно, на плац, где уже металась фигурка вылетающих из казарм солдат.

Вердт подскочил было, сунулся повторить нечаянно сброшенный звонок, но майор его остановил:

– Идите, лейтенант. Я сам свяжусь с Еремеем Ивановичем. Только не забудьте сообщить мне, что там случилось. Я пока останусь с пациентом.

В ответ Вячеслав, вытянувшись во фрунт, коротко кивнул и, развернувшись, вылетел из палаты реанимационного отделения как ужаленный. Проводив взглядом Вердта, майор медицинской службы Осип Михайлович Нулин тяжело вздохнул и шагнул к мерно попискивающим приборам, старательно следящим за состоянием его единственного на данный момент пациента. С момента той злосчастной дуэли, свидетелем которой был и он сам, прошло уже четыре дня, а Кирилл до сих пор не очнулся... хотя, может быть, это и к лучшему. Иначе пришлось бы держать его на болеутоляющих, а они – далеко не панацея.

Врач окинул взглядом искореженное ударом боевого артефакта тело пациента и, вздохнув, начал осмотр. Приборы приборами, а свой глаз все-таки надежнее.

Руки... пара переломов, ничего страшного. Еще сутки воздействия – и о них можно забыть. Ноги... то же самое, если не считать таза. Здесь сложнее, но вечером выведем вот этот обломок, а там неделя – и все будет в порядке. А вот с органами хуже. Печень регенерирует очень медленно, несмотря на постоянное воздействие. Почки... счастье, что от них хоть что-то осталось. Восстанавливаться будут не меньше двух недель. А вот селезенка почти зарубцевалась... Кишечник. Минус полметра. Ничего-ничего, и не с таким живут и радуются. И самое тяжелое напоследок. Позвоночник. Три позвонка испарились, словно их не было. Хорошо еще, что удалось сразу соединить нервные ткани Эфиром, наживую... Тоже не меньше двух недель на восстановление плюс регенерация самих позвонков... Удача, Кирюша, что ты вообще еще жив. А раз жив, значит, будем тебя вытаскивать. От Нулина просто так на тот свет не сбежишь! Но только скорость восстановления костей рук и ног мы тебе немножко притормозим. Некритично. А нагрузку на организм снизит – больше сил останется на остальное, более важное.

Майор отошел от койки пациента и, почувствовав знакомую, едва заметную вибрацию пола под ногами, нахмурился. Полк выводит технику? Зачем?

Какое знакомое состояние... Я попытался пошевелиться, но в результате получился пшик. Только какая-то хрень запищала у меня над самым ухом, напрочь перекрывая фоновый шум и гул, которых мне никак не удавалось опознать. И ведь не отмахнешься от нее, с зафиксированными-то руками. Наученный горьким опытом, я осторожно приоткрыл глаза, но вместо ожидаемого яркого света вокруг только серая хмарь, да какие-то неопределенные тени скользят в поле зрения. Что с моими глазами?! Стоп-стоп. Прикрыть веки... успокоиться... дышать...

Кое-как придя в более или менее адекватное состояние и перестав обращать внимание на этот чертов писк над ухом, я, не открывая глаз, потянулся к Эфиру и... чуть не захлебнулся в его потоках... Ох ты... Такого со мной еще не было. Сосредоточившись, усмиряю бешеную силу, льющуюся через меня, и, неглубоко вздохнув... глубоко не могу, что-то мешает, формирую диагност, тут же послушно заскользивший по моему телу. Несколько минут ожидания,

и... М-мать! Вот это меня покорежило... Ну, Разумовский, встану на ноги – живьем закопаю, щучий потрох! Чем же он меня так приложил? И как?! Не мог же я пропустить подготовку техники такой мощи! Но пропустил... почему? Да потому что и не было никакой подготовки. Р-раз – и выплеск! Артефакт? Хм... может быть, может быть. Но какой же силы должна была быть эта штука, чтобы меня так вот размазало? Руки-ноги... переломы, слава богу, уже зажили. Тазовая кость. Тут явно не только перелом был. От нее, кажется, целый кусок откололся, но сейчас уже почти все в порядке. Внутренние органы... тоже следы регенерации, а почки еще не полностью восстановились. И позвоночник... да как я с такими повреждениями вообще жив остался? Кому спасибо говорить, за кого молиться-то, а?

А вот глаза... что-то непонятное... я попытался вновь приоткрыть веки. Нет, все то же самое. Полумрак, тени... а нет, вон огонек какой-то. Хм? Тьфу, вот идиот. Ночь на дворе, потому и темно.

Я осторожно повернул голову, и взгляд мой упал на окно, за которым ясно просматривались звезды. Точно, ночь... Фух, я же чуть не обделался. Или все-таки... да какая разница?! Один черт, самому до туалета мне явно не дошкандыбать, так что и заморачиваться не стоит...

Пока я потихоньку приходил в себя, вернулся слух... ну да, меньше башкой крутить надо было, тогда бы и повязка, что уши закрывала, с нее не слезла... А вокруг тишина. Почти... рядом кто-то тихонько стонет, словно во сне. Чуть дальше – пара каких-то полуночников о чем-то шепчется. О чем – не слышу, далеко... Хм, так я, получается, не в медбоксе у Бестужевых? А где же тогда?

Внимание послушно скользнуло в Эфир, но... без толку. Не знаю я этого места. Странно...

Усталость навалилась внезапно. Глаза закрылись сами собой, и я провалился в сон, успев только напитать тело Эфиром. Все быстрее на ноги встану...

Утро встретило меня солнцем, светящим в глаза, и огромным желанием заорать, аки новорожденный. А что еще остается, если лежу зафиксированный, а под задницей явно море разливанное?! Только орать и ручками махать.

Моментально оказавшийся рядом со мной смутно знакомый худой дядька быстро и точно наложил пару диагнозов, хмыкнул почему-то и, подозревав вынырнувшую откуда-то миловидную барышню, указал на меня.

– Позаботьтесь о молодом человеке, пока он не утонул, Галечка. И впредь прошу не забывать вовремя проверять пациентов.

– Да, Осип Михайлович. Извините, Осип Михайлович, – скороговоркой произнесла она, и вокруг меня поднялся маленький эфирный ураган, в котором явно ощущались нотки водной и воздушной стихий. М-да, здешним сестрам, оказывается, куда проще, чем их Тамошним... сестрам. Никакой возни с утками и сменой белья. Р-раз, и все.

Пока я пытался разобраться в техниках, использованных медсестрой, Осип Михайлович уже успел перевести свое внимание на пациента. То есть на меня... Осип... ба, да это же полковой доктор бронеходов! Значит, я в их госпитале? Хм, а почему именно тут? И... откуда здесь столько больных?

– Доброе утро, Кирилл Николаевич, – Нулин устало улыбнулся. – Наконец-то вы пришли в себя.

– Доброе, Осип Михайлович, – кивнул я. – А что, давно лежу?

– Две недели с лишком, дорогой мой, – развел руками врач. – Если быть точным, то восемнадцать дней.

– Ого... рекорд, похоже... – вздохнул я. Огляделся, насколько позволяло положение, и цокнул языком. В моей маленькой палате оказалось аж восемь человек. – Откуда столько людей? Война, что ли, началась?

– Не война, – помрачнел Нулин и, глянув на меня, тускло договорил: – Боярский мятеж.
В городе идут бои.

Глава 4

Лечить – не залечить

Сказал – как пыльным мешком ударил. Рука сама схватилась за запястье, где обычно болтался браслет, и, не обнаружив его, безвольно упала на простыню. Опа... а когда меня развязать успели? Я мотнул головой, отгоняя непрощенные мысли, и взглянул на смотрящего куда-то в сторону Нулина. Кашлянул, и полковой врач, явно отвлекшись от своих мыслей, тут же встрепенулся, а поймав мой выразительный взгляд, брошенный на его руку, покачал головой.

– Связи нет, Кирилл Николаевич. Не знаю, как это возможно, но почти вся городская сеть блокирована. Работает только «короткая» и радио. Но у нас, сами понимаете, с радиоприемниками худо. Да и «короткая» больше чем на три-четыре версты не бьет. Так-то.

– Мне нужно связаться с моими. Неужели вообще нет никакой возможности? – осведомился я.

– Сожалею. Вестовые мне не подчиняются. Впрочем, послезавтра я собираюсь вас выпи- сать, так что...

– Осип Михайлович, я вас очень прошу... понимаю, что многое не в ваших силах, и все же... Попытайтесь найти какой-нибудь способ связаться с Бестужевыми или Посадской. На худой конец с Громовыми. Я в долгу не останусь.

Я глянул в глаза майора и понял, что последнее сказал зря. Нескладный сутулый доктор вдруг выпрямился, словно метр проглотил.

– Кирилл Николаевич, я, разумеется, постараюсь вам помочь, тем более что в вашем столь долгом нахождении здесь есть и моя вина. Но прошу впредь...

– Извините, Осип Михайлович, это от волнения, – перебил я его.

– Хорошо, Кирилл. Я вас понимаю... постараюсь сделать все, что в моих силах. – Доктор сухо кивнул и уже собрался отойти к другому пациенту...

– Осип Михайлович, а о какой вине вы говорили? – спросил я, и майор чуть смутился.

– Видите ли, мы с Вячеславом Еремеевичем после того злосчастного случая на дуэли с Разумовским решили, что кто-то объявил на вас охоту. Ну, понимаете, сначала бретер, потом этот... с артефактом. В общем, когда вас доставили в наш госпиталь, мы скрыли место вашего нахождения. Офицеры полка пошли навстречу, с пониманием отнеслись к нашей просьбе. Мы же не знали, кто для вас друг, а кто враг... Вот и... Потом уже хотели перевезти вас в кли- нику батюшки Вячеслава Еремеевича, но буквально в тот же час полк был поднят по тревоге, и началось все это... Извините, Кирилл, рад бы поговорить с вами подольше, но мне надо идти... – скомканно завершил свой рассказ Нулин.

Ему явно было не по себе. Понимаю. Но и винить мне его не за что. В конце концов, со своей точки зрения Осип Михайлович действовал в точном соответствии с клятвой, обязав- шей его заботиться о жизни пациента любыми доступными способами и защищать его жизнь от ЛЮБОЙ угрозы, пока тот находится на его попечении.

– Конечно, Осип Михайлович, – согласился я. – Все понимаю и не в претензии. Благодарю вас за помощь. Но... могу я рассчитывать на беседу, когда ваше дежурство закончится?

– Разумеется, Кирилл, – облегченно кивнул врач и исчез из поля моего зрения...

Дела-а. Значит, если я правильно понимаю, ни одна живая душа сейчас даже не подозре- вает, где я нахожусь. В полковой госпиталь посторонних не пускают, это точно... Но... какого черта?! Что за мятеж? И почему боярский?! А Ольга? Что с ней?

Почувствовав, как вокруг меня вздымается на дыбы Эфир, я спохватился и постарался успокоиться. Так. Мне нужно выбираться отсюда, и как можно скорее. Узнать, что происходит в городе, я могу у любого из соседей, но для этого нужно, во-первых, избавиться от остатков

фиксаторов, не дающих мне даже с боку на бок перевернуться, а во-вторых... ускорить восстановление. Точнее, наоборот. Сначала восстановление, потом освобождение от фиксаторов и беседа с соседями. На закуску – обещанный разговор с Нулиным. Моя одежда с экипировкой должна быть где-то у доктора. А там, между прочим, и рюгеры имеются. Пусть дуэль была чисто силовой, но собираться на бой и забыть о страховке?! Не-эт, до такого маразма я еще не дошел. Хотя, с другой стороны, черта с два та страховка мне помогла... Но кто же мог подумать, что этот ушлепок воспользуется артефактом, да еще таким мощным?!

Если бы не он, я бы сейчас мог быть рядом с Ольгой, а так валяюсь здесь, как мешок с дерьмом, пока невеста... а ведь есть еще и близняшки, за которых я тоже несу ответственность, и Елизавета, с которой так толком и не успел познакомиться, но которая тоже находится под моей защитой. Леонид, в конце концов! Арргх!

Спокойствие, только спокойствие. Эфирным штормом делу не поможешь. Сосредоточиться... нужно сосредоточиться и начинать форсированное восстановление... дыхание... сердцебиение... отсчет...

Медленно-медленно я погрузился в транс и, выровняв дыхание под мерный мысленный счет, начал «уходить на глубину». Этакая форма самогипноза...

Эфир заполнил тело теплом, окружил непроницаемым коконом и закачал на волнах спокойствия и силы. Я чуть ли не ушами слышал, как со щелчком встают на место регенерировавшие позвонки, легкой щекоткой отозвалась окончательная регенерация почек... в мышцы потек Эфир, заскользил по костям и связкам, заструился в крови, пробежал по нервным узлам... готово.

Когда я открыл глаза, за окном уже сгущались сумерки, а количество аппаратуры рядом со мной удвоилось. Тут же нашлась «утренняя» медсестра и задумчиво изучающий показания артефактов незнакомый врач.

– Добрый вечер, господа, – проговорил я. Легкий посыл оборвал остатки фиксаторов, и я наконец смог вволю, до хруста в костях, потянуться. В теле поселилась сумасшедшая легкость, а общее состояние было таким, что хотелось срочно куда-то бежать и что-то делать. Вот сейчас, немедленно! Хм... А это мысль! – Прошу прощения, я оставляю вас на минуту.

И, не дожидаясь, пока медсестра с врачом выйдут из ступора, легко взметнувшись над койкой, рванул к двери рядом со входом в палату. То, что надо!

Отжурчав и умывшись, я облегченно вздохнул и вернулся в палату, по которой уже разъяренным тигром метался Осип Михайлович.

– Кирилл! Вы с ума сошли?! Кто вам позволил покидать кровать? – возмущенно зашипел майор, старательно пытаясь не зашуметь, чтобы не разбудить спящих раненых.

– Тише, тише, уважаемый Осип Михайлович, – прошептал я. – Не волнуйтесь, со мной уже все в порядке. И ручаюсь, вон в тех распечатках в руках вашего коллеги написано то же самое.

– Мальчишка! Глупец!

Пыхтя, как паровоз, Нулин все-таки вырвал бумаги из рук прикинувшегося ветошью перед гневом начальства врача и принялся судорожно перебирать еле слышно шуршащие листы... Медленнее, медленнее. Остановился, начал перелистывать заново. Опять остановился... поднял на меня взгляд. Диагности сорвались с его рук пулеметной очередью. А через минуту изучения результата майор медслужбы устало потер глаза.

– Кирилл, как вы можете это объяснить? И вообще можете ли?

– Осип Михайлович, ну я же мастер Эфира. Неужели вы думаете, что я мог пройти мимо одного из немногих полезных приложений моих невеликих сил? – проговорил я, разводя руками.

Лукавлю, конечно. С кем другим я бы ни за что не решился на подобные эксперименты, не врач все же... Но вот собственное тело – совсем иной коленкор. Я еще Там лечил свои

растяжения и вывихи, просто ощущая неправильность в пораженных местах. На большее меня не хватало. Разве что царапины затянуть, да и то одну-две числом. А здесь...

– Сумасшедший, – взглядевшись в мое лицо и не обнаружив ни следа раскаяния, со вздохом выдал Нулин и махнул рукой... Но тут же построжел. – Черт с вами, Кирилл. Но учтите, раньше утра я вас на волю не выпущу. А сейчас... Галя, у нас найдется, чем накормить этого торопыгу? Сообразно его физическому состоянию, разумеется...

– Я принесу, – тихо пролепетала медсестра, явно еще не отошедшая от проявления начальственного гнева.

– Лучше проводите к кухне Кирилла Николаевича, – покачал головой Нулин. – Заодно расскажете ему новости... да и отдохнете чуток. А Олег Вениаминович пока побудет за дежурного.

Второй врач с готовностью кивнул, и Галина уже было выдвинулась к выходу из палаты, но глянула на меня, ойкнула и, прошептав, что она мигом и буквально через секундочку будет здесь, исчезла за дверью.

– Чего это она? – не понял я.

– А вы на себя взгляните, Кирилл, – усмехнулся собравшийся было покинуть палату следом за медсестрой Нулин. Я перевел взгляд на собственное тело и... покраснел. Ну действительно, кто будет заморачиваться, одевая лежачего больного? А простыню, которой был прикрыт, я, кажется, потерял, возвращаясь из туалета. То-то медсестра, все время нашей короткой беседы с майором так старательно рассматривала потолок...

Подложил все-таки подляну добрый доктор Нулин... Бульон. Куриный. И плевать, что желудок у меня уже в полном порядке! Я взглянул на Галину, но девушка только сурово поджала губы и отрицательно покачала головой. Понятно. Кормить котлетами меня не будут. А они па-ахнут... Гадство!

Вздыхнув, влил в себя порцию бульона, а следом в желудок отправился сладкий чай, по цвету больше похожий на слабо подкрашенную воду. Одно название, а не чай, в общем. Ладно... что я, в больницах да госпиталях не бывал? И на том спасибо.

Пока добирались до кухни и я... питался, а также на обратном пути в палату все пытался узнать у Галины, как обстоят дела в городе, но безуспешно. Галя знала только, что весь наемный персонал полка в первый же день эвакуировали за Можайск, и ее родителей тоже. А сама она осталась в госпитале... но это еще ничего. А вообще из города по шоссе то и дело идут машины с уезжающими. Их вроде бы никто не трогает... но если попадают авто с боярскими госзнаками, их обязательно досматривают на постах. Некоторых и задерживают...

Кто досматривает, кого задерживают, кого пропускают – Галя тоже не смогла сказать, отчего мое настроение, еще недавно пребывавшее на отметке «положительное, готов к труду и битию», медленно поползло вниз. Если мятеж боярский и какие-то молодчики задерживают боярские же автомобили... это о чем может говорить? Да о чем угодно.

Кто поднял мятеж, против кого? На чьей стороне Бестужевы? Что творится в боярском городке, и существует ли он до сих пор, или, может, его уже давно раскатали по бревнышку? Например, та же гвардия? А что, не зря же зимние квартиры Преображенского полка расположены чуть ли не в зоне прямой видимости городских боярских усадеб! Нет, нужно срочно поговорить с Нулиным, он обещал. И выбираться отсюда. До утра я от неопределенности просто на стену полезу, это точно. Транспорт? Да черт с ним! Надо будет – под разгоном за полтора часа до городка доберусь.

О, а вот и доктор, как по заказу... И судя по отсутствующему халату, дежурство у него закончилось. А значит, пора исполнять утреннее обещание...

Разговор с доктором-майором получился коротким и малоинформативным. По крайней мере в части тех вопросов, что интересовали меня в первую очередь. Да, в городе действительно мятеж. На подавление брошены все части, расположенные в двухчасовой зоне, бояре

участвуют в восстании отнюдь не все, но отделить «агнцев от козлиц» удастся не всегда. К тому же кое-кто из них под шумок начал сводить счета с давними врагами и недоброжелателями, так что каша в городе заварилась та еще. А помимо самих именитых, в боях на их стороне участвуют отряды наемников, некоторые из них, так же, кстати, как и часть боярских дружинников, вооружены тактическими комплексами – как легкими, так и тяжелыми. Вот тут я напрягся. На память тут же пришли «Гончие» и «Северная Звезда» и подвалы их баз... Ой-ой-ой. А не об этом ли предупреждал дедушка Скуратов-Бельский, а? Стоп. Отставить. Не сейчас.

Результат нашей беседы был очевиден. Нулин уперся и ни в какую не желал выпускать меня до наступления утра, точнее, до завершения утреннего обхода и подписания соответствующих документов.

– Осип Михайлович, но ведь я не служу в вашем полку... – пытался я убедить врача, но тот только набылчился и недовольно сопел. Порядок есть порядок, видите ли. – Сбегу, – заявил я в конце концов. Нулин было приподнял бровь, изображая недоверчивое и безмолвное «ну-ну», и я покачал головой. – Поймите, Осип Михайлович, у меня есть обязанности, которые я должен исполнить. На моей шее четыре ученицы. Все они из боярских семей. Одна из них – моя невеста... Так что давайте решать вопрос сейчас. Я и так пропустил почти три недели, за которые с ними могло произойти все что угодно.

– Кирилл, пойми и ты меня! Завтра утром должен явиться полковник с заместителем. Заместитель его – по особой части, понимаешь? Они должны с тобой поговорить.

– Ага, а потом запрут «на всякий случай», – мотнул я головой. – И хорошо еще, если в палате, а не на «губе». И когда я доберусь до своих?

– Черт с тобой. Держи, – после недолгого размышления Нулин сунул мне в руку ключ. Кажется, ему просто надоело спорить. – Хранилище за дверью дежурного по первому этажу. Двенадцатый бокс – твой. Когда заберешь свои вещи, ключ оставь на стойке. И... подбери себе какую-нибудь рубашку. Джинсы-то, помню, в порядке. Куртку ты в Манеже снимал, а вот рубашка и свитер – в хлам. Выкинули мы их, как только от твоего мяса отодрали.

– Спасибо. А оружие? – с облегченным вздохом поинтересовался я.

– Хм... там же. Внизу лежит твой рюкзак, в нем твои стволы и ножи эти страхолюдные. И, Кирилл... будь осторожнее. Против ТТК никакой пистолет не поможет, ты же понимаешь?

– Понимаю. Буду. Спасибо, Осип Михайлович, и вам, и Вячеславу, – заключил я, поднимаясь со стула в ординаторской, где мы устроились для разговора.

Я уже дошел до двери, когда меня догнал глухой голос врача:

– Нет больше Славы, Кирилл. Сгорел в бронеходе на второй день этой свистопляски. Три тяжелых ТК ушатал, а четвертый их запалил. Всем экипажем в дым ушли...

Я обернулся к Нулину, но тот только рукой махнул. Иди, мол.

Вот так. Балагур и весельчак... Эх, Слава-Слава... Что же ты так?

Медленно выдохнув, я молча кивнул уже отвернувшемуся майору и побрел в сторону стойки дежурного. Сколько раз я вот так уходил из госпиталя... из палатки комполка Там, каждый раз унося с собой эту пустоту. Вот был человек, сидел рядом с тобой за столом и в засаде, разговаривал, шутил и смеялся, спорил или молчал, дожидаясь сигнала к атаке, выцеливая противника... А потом вдруг: «Сожалею, раны, несовместимые с жизнью...» – «Извини, лейтенант, взрыв фугаса...» – «Остался прикрывать отход...» Мы – дети войны, а война жрет своих детей, да... Но каждый раз одно и то же. И каждый раз словно кусок жизни вырвали, с кровью, с мясом. И никогда не знаешь, что лучше – быть сожранным этой стервой разом или вот так, по чуть-чуть... кивая в ответ на сухие объяснения замотанных врачей или усталоделовитые слова командира, выправляя похоронки или снимая берет под холостые выстрелы салюта у свежего холмика земли...

Я не заметил, как дошел до стойки дежурного. Глянул на спящую медсестру, уронившую голову на руки, и, тряхнув отросшими патлами, выгоняя из черепушки ненужные, несвоевре-

менные мысли, осторожно скользнул ей за спину. Бесшумно открылась дверь хранилища, которую я тут же аккуратно притворил за собой. Рука скользнула к выключателю, и в хранилище загорелся неяркий свет пары старых потрескавшихся плафонов. Раз, два... пять... девять... двенадцать. Вот оно.

Белье, носки, джинсы... надо же, они их даже выстирали! Тяжелые зимние ботинки... Я покрутил головой и, обнаружив на длинной вешалке уставные черные рубашки бронеходчиков, под которыми было сложено остальное обмундирование, быстро подобрал нужный размер. Это, очевидно, для бедолаг вроде меня, чья одежда пришла в негодность. Предусмотрительно, ничего не скажешь.

Так, моя куртка, хлопок по карманам... ключи и пачка сигарет. Последний привет от Славки, которого я упросил перед дуэлью купить мне курева...

Рыкнув, бью кулаком в стену. Боль отрезвляет, заставляя пустоту в груди сжаться в точку и замолчать. Временно, конечно. Но и это хорошо. Нет у меня сейчас возможности проводить Вердта, как положено. Нету.

Рюкзак в руки... ага. Вот они. Влезаю в разгрузку и с удовлетворением чувствую на плечах знакомую тяжесть стволов. Ножи на пояс, подтянуть систему, проверить магазины рюгеров. Куртку на плечи, рюкзак за спину. Готов...

Выбраться из расположения части было несложно, хотя, конечно, и не сравнить с прогулкой по громовской усадьбе. Тем не менее спустя полчаса я уже уверенно чапал по обочине Старой Смоленской дороги, Там именовавшейся Можайским шоссе. Почувствовав, как холод забирается под куртку, я хотел было воспользоваться своими невеликими умениями в стихиях, но вовремя притормозил. Кто его знает, какие такие средства обнаружения имеются у военных или мятежников, а встречаться ни с теми, ни с другими я пока желанием не горел.

Что ж, придется отказаться от этакого сибаритства и вспоминать прежние времена, когда о такой вещи, как «стихийный» климат-контроль, я даже не подозревал. Подошва ботинка уверенно впечаталась в грунт, ломая тонкий намерзший на нем ледок, разгон... и вперед, бродяга. Ходу-ходу...

Я бежал по обочине шоссе, старательно прислушиваясь к Эфиру, ловя малейшие признаки приближения людей. Не хотелось бы с разбегу наткнуться на злых дядек с громко стреляющими пушками. Правда, на добрых тетек с тихо стреляющими пушками хотелось наткнуться еще меньше. Ночное шоссе было пустынным. По пути в Москву мне лишь дважды пришлось сходить с обочины в лес и скрываться за отводом глаз. Первый – когда миновал имение Вяземских в районе Тамошнего Голицына... уж не знаю, на чьей стороне дальние родственники князей воюют, но заслоны выставили капитальные, вплоть до ДОТов, которые пришлось обходить по большой дуге, за пределами видимости наблюдателей. Снега-то хоть и немного, а следы на нем все равно остаются, и если меня за отводом глаз не видно, то уж протоптанную дорожку хороший профи минуты через две-три сможет увидеть наверняка. Вторая встреча произошла уже на подходах к городу. «Змейки» из бетонных блоков на въезде, высотой в добрый метр, ошетилившийся стволами блокпост... окопы... и выставленные на прямую наводку зенитки... Я не я буду, если у них где-то поблизости не спрятана пара минометных расчетов. Не удивлюсь. Но какая удобная позиция! А я, еще когда первый раз ехал по кольцу, недоумевал, зачем на всем протяжении это шоссе поднято над землей на добрый десяток метров... и ладно бы просто поднято! Уклон насыпи в пятьдесят градусов не оставляет шансов выжить ни одному вылетевшему за пределы ограждения автомобилю. Теперь дошло. С таким вот валом тяжелая техника может войти в город только по шоссе, либо раздолбав десятиполосную кольцевую на каком-то участке в хлам, буквально сровняв ее с землей. А при отсутствии хотя бы пары тройки гридней в составе атакующих это дело долгое и муторное. ТК? Да, им по фиг, какой уклон у дорожной насыпи, но есть одно «но». Кольцевая впервые была построена после войны, когда о тактических комплексах даже не слышали, и если верить фотографиям, была точно

таким же фортификационным сооружением, разве что поуже. И при каждой модернизации это качество сохранялось неизменным. А учитывая, что боярским родам запрещено владеть тактическими комплексами, что если не полностью избавляет от опасности, то здорово ограничивает возможности именитых по приобретению ТК, а значит, влияет и на возможное их количество – в сторону уменьшения, понятное дело... – в общем, думаю, что сохранение фортификационных свойств кольцевой, скорее всего, направлено именно против возможного мятежа бояр с попыткой прорыва в столицу. Впрочем, судя по происходящему в городе, это не стало большой помехой для мятежников.

Здесь, в отличие от заслона у имения Вяземских, я решил идти не в обход, а... в лоб. Просто потому что шоссе на подъезде к блокпосту было совершенно не замечено снегом, а значит, и следов моих на нем не останется. В остальном же мне поможет отвод глаз.

И помог. Тенью просквозив через «змейку», я втиснулся меж двух боевых платформ московских бронеходов, развернувших ракетные блоки, то и дело водящих жалами тяжелых крупнокалиберных стрелометов – и... замер недалеко от входа на КП. Ну уж очень хотелось узнать последние новости. А где их услышишь, как не здесь?

Не знаю, насколько можно верить словам двух обер-офицеров³, подслушанным посреди ночи у блокпоста на окраине Москвы, но определенные выводы сделать я смог.

Да, это самый настоящий боярский мятеж. Но среди самих именитых согласия нет. И поддерживали это выступление далеко не все роды. Большинство служилых, опять же если верить словам капитана, лениво расписывавшего своему собеседнику собственное мнение о происходящем в городе, приняли сторону государя. Часть квартирующих под Москвой полков присоединилась к мятежникам, но, цитирую: «Голая пехота. Что она может против брони?..» Хм, не согласен я с капитаном. Пехота в поле против бронированной техники – это один вопрос. Но бои-то идут в городе... И тут я бы поставил на пехоту. Особенно если ее правильно обучили. Гореть будут бронеходы, как спички... Да они уже горят! Достаточно вспомнить Вердта или его сослуживцев, заполонивших полковой госпиталь. Я вздохнул, отгоняя несвоевременные мысли, и вновь прислушался к разговору.

Оказывается, больше всего капитана беспокоила не пехота на улицах, а отсутствие информации о происходящем за пределами Москвы. Либо там действительно не знают о творящемся в столице из-за отрубленной связи, что звучит довольно смешно, учитывая прошедшее с начала мятежа время и количество бегущих из Москвы людей, либо информацию о ситуации в стране замалчивают специально, что совсем нехорошо. Вот тут не поспоришь...

³ Так в этом мире именуются офицеры от лейтенанта (мичмана, хорунжего) до капитана (старшего лейтенанта, подесаула) включительно. От майора (капитана-лейтенанта, есаула) до полковника (капитана первого ранга, полковника) – штаб-офицеры. Все, кто выше, – генералитет. Звания, указанные в скобках, относятся ко флоту и казачьим войскам.

Глава 5

Подрядные работы

Покрутившись еще немного вокруг блокпоста и поняв, что узнать еще что-то интересное мне не светит, я хмыкнул и, миновав эстакаду развязки, рванул по прямой в город, на ходу размышляя о «почти повсеместно» не работающей связи. Как такое может быть?

Не то чтобы меня действительно так уж занимал сейчас этот вопрос, но его обдумывание помогало хоть как-то приглушить беспокойство за Ольгу, Леонида и учениц. Насчет Бестужева или дяди Федора я и так особо не волновался. Взрослые же люди, да и не беззащитные... Собственно, исходя из этого, можно было бы сделать вывод, что и ученицам с Леонидом и моей невестой не должно что-либо угрожать, но почему-то эти логические построения не вызывали у меня никакого доверия. Абсолютно... Вот и бежал, старательно думая на отвлеченные темы и сторожко присматриваясь-принюхиваясь к окружающему пространству. Иногда приходилось огибать места скопления людей, причем чаще я их слышал прежде, чем чуял. Выстрел из стреломета не так громок, но в царящей в Москве тишине, тяжелой и тягучей, словно ночной кошмар, эхо стрельбы разносится далеко... Однако таких случаев было немного. Да и вообще порой создавалось впечатление, что город вымер. Темные окна, машин на улицах нет. Редко-редко мелькнет вдалеке кургузый зад очередной боевой платформы, да местами тянет из переулков гарью... и смертью.

О том, что отвлекаться надо было несколько иначе, я понял на подходах к Киевскому вокзалу. Вместо того чтобы обдумывать причины отключения связи и странности, связанные с этим фактом, мне следовало бы получше продумать маршрут!

Толпу людей на вокзальной площади я учуял метров за восемьсот и, притормозив, скрылся в одном из переулков. После чего, выйдя из разгона и почувствовав самое настоящее облегчение, словно мешок с цементом с плеч скинул, не снимая отвода глаз, аккуратно выдвинулся к площади.

Самым паршивым было то, что вокруг толпы тут и там шныряли, баламутя Эфир, шустрые такие ребятки, закованные в тактические комплексы... И мне о-очень не нравилось то, что они делают. Создавалось впечатление, что людей, словно баранов, стогоняют в одну кучу, не стесняясь в методах и силе. Всего четыре ТК... ни на одном из которых я не обнаружил обязательных знаков различия государственной гвардии.

Стоп! Не четыре, пять! И этот пятый удобно и незаметно устроился буквально в двух сотнях метров от меня... Только странный он какой-то. Словно бы в нем чего-то не хватает. Хм...

Я попытался прошупать этот ТК в Эфире и... удивленно охнул. Он пустой! Так... это интересно. А где «водителей»? В кусты отошел... и не боится, что его лайбу угонят?! Наивный. Это же Москва, здесь не то что ТК, дороги – и те спереть могут. Только дай!

Понятное дело, что красть комплекс я даже пытаться не собираюсь. Зачем мне лишние проблемы? А вот побеседовать с оператором было бы нелишним. Нужно же знать, что тут к чему... Тем более что одну сторону конфликта я уже слышал, пусть обрывочно и неполно... Пришла пора и противников нынешней власти поспросить. А то кто его знает, когда еще возможность выпадет.

Спеленать дюжего бритоголового парня, уже собравшегося залезать в свой скафандр, труда не составило. Благо место для стоянки он выбрал укромное и тихое, вдалеке от основной толпы и гвалта. А вот допрос как-то сразу не задался... Ну не разумею я по-польски. Вообще. А клиент – то ли действительно поляк, то ли по нем плачут все большие и малые академические театры.

И как же с тобой разговоры разговаривать, шляхтич ты недоделанный, а? Или, может, ну его... и в прорубь?

– Не надо меня в прорубь, – прорезался вдруг клиент.

– О как! Оно говорит! Так это же замечательно. – Я широко улыбнулся и ободряюще кивнул собеседнику, пытающемуся отодвинуть голову подальше от холодного среза рюгера, упершегося ему в лоб. Это с парализованными-то конечностями? Ну-ну... – Рассказывай давай: кто, откуда и зачем вообще здесь хулиганишь...

– Отряд «Бьялы Ожел». Силезия. Контракт на два года. Заказчика не знаю. То дело майорово, – отгарабил детина. Хм... Ну, чисто Тамошний программмер. Вроде бы и на вопросы ответил, даже правильно... но мне от тех ответов ни горячо, ни холодно. Тьфу.

– Ла-адно. Верю. А конкретно здесь что вы делаете? Что там за толпа на площади? – вздохнув, поинтересовался я.

– То есть закладники... заложники, – тихо ответил клиент, и пистолет в моей руке дернулся. Непроизвольно.

– Что?

– Заложники. Нам приказано охранять, ждать состав и группу, что обеспечит оцепление и погрузку, – облизав губы, протараторил детина.

– Сколько ТК в охранении?

– Пять, считая мой.

– Внешнее кольцо охраны есть? И не ври. Должно быть, иначе бы вы не стали так открыто держать людей.

– Не кольцо... район полностью под нашим контролем... Даже если ты сможешь что-то сделать с «Гусарами», людей не выведешь. Их положит первый же патруль...

– Границы района... Живо, мразь! – Подстегнутые разгоном, мысли летели словно сумасшедшие, просчитывая варианты один за другим и отбрасывая их в сторону... – Количество людей в патруле, вооружение, маршруты, способы связи... Когда должен прийти состав? Не молчи, душа моя, яйца отстрелю!

Информация из наемника полилась рекой... Споткнулся он, только когда я затребовал коды доступа к его ТК. «Гусар», надо же... а я все гадал, почему мне этот агрегат кажется таким знакомым...

Удар под ключицу – и детина вновь начал излагать все, что знал. Бить ниже сейчас не имеет смысла, он все равно ни хрена не почувствует. Зря я, что ли, его парализовал?

Выдавлив из клиента всю доступную информацию, поднял ствол. Рюгер – тихая машинка, когда требуется. Вот и сейчас он лишь тихо хлопнул, и наемник тут же пораскинул мозгами. Я все-таки не Сусанин... Издеваться над интервентами, таская их по лесам, по мне, слишком хлопотно. Проще – сразу на тот свет наладить...

Хорошая штука это ускоренное восприятие. Если бы не этот прием, я бы еще полтора часа сидел и думал, что делать с ситуацией. То, что пройти мимо происходящего на площади я не могу, это... ну не могу, и все! Другое дело, если бы я был на задании. Там – да, прошел бы мимо, как бы тяжело от этого ни было. Но то на задании...

Осталась сущая мелочь – вывести полтысячи заложников из района, контролируемого мятежниками. Желательно без потерь... Невозможно? А почему?

Ну, во-первых, удержать компактно такую толпу народу, не имея в подчинении хотя бы четырех таких вот «Гусар», – задачка из серии «достать кролика из шляпы», когда нет ни первого, ни второго. Во-вторых, даже если удастся сбить народ в кучку, рассчитывать провести их бесшумно через полрайона, не всполошив при этом мятежников... По крайней мере наивно. Никакого отвода глаз на это не хватит. Вроде бы так?

А если зайти с другой стороны?

Поезд замер у перрона, где полсотни молодчиков, вооруженных автоматическим оружием, окружили жмущихся друг к другу людей. Женщины и дети... Загрохотали откатывае-

мые в стороны двери грузовых вагонов. К оцеплению присоединился десяток таких же бойцов в серых комбезах с неразличимыми в темноте шевронами. Выпрыгнув из пассажирского вагона, замыкавшего состав, они тут же пополнили ряды охранников, и толпа заложников, подталкиваемая окриками и короткими тычками, начала растекаться по холодным стальным коробкам.

– Казимир, время? – коротко бросил стоящий у головы поезда подтянутый офицер, едва повернув голову в сторону столпившихся за его спиной подчиненных.

– В графике, господин майор, – тут же откликнулся один из них.

– Завершайте погрузку и... не тяните здесь. Хоть «окно» и будет открыто до утра, у нас еще полно других дел, – уронил майор и, затушив мыском ботинка брошенный окурочок, не прощаясь, двинулся к выходу.

– Все слышали? – раздался за спиной удаляющегося офицера зычный голос Казимира. – Тогда чего встали? Бегом-бегом-бегом. И найдите уже наконец оператора «Тройки», мне нужен его «Гусар» здесь и сейчас!

Не прошло и четверти часа, как вновь загрохотали на этот раз закрывающиеся двери вагонов, погружая пленников в полную темноту, тягач коротко рывкнул, хлопнули двери спального вагона, и, лязгнув сцепками, состав начал медленно набирать ход.

Тормозная площадка – продуваемое всеми ветрами место, почти бессмысленное приложение к вагону, устаревшее и ненужное, но каким-то чудом или вывертом психики инженеров старательно воспроизводимое в каждом поколении и при каждой модернизации подвижного состава...

Наемник, дежуривший в заднем тамбуре пассажирского вагона, приспособленного на скорую руку для перевозки охраны поезда, густо зевнул и... замер. Стук? Да нет, слышалось, наверное...

Тук-тук-тук... Совсем не похоже на мерные звуки катящегося по рельсам вагона. Наемник закрутил головой, время от времени жмурясь, когда желтый свет пролетающих за окном фонарей полосовал его по лицу.

Тук-тук-тук... Боец повернулся к двери, ведущей на тормозную площадку. Какой идиот там застрял?! Ремень автомата соскользнул с плеча, и наемник осторожно подступил к небольшому окошку в железной двери.

Тьфу ты! И откуда эта мелочь там взялась? Отбилась от своих, что ли? Боец, увидевший дрожащего от холода мальчишку, пытающегося прятаться от хлещущего холодного ветра, кутаясь в короткую мотоциклетную куртку, сплюнул. Распахнул дверь, уже собираясь схватить щенка за ухо. Тук-тук. И тело наемника кулем повалилось под ноги пареньку, едва не загрохотав автоматом по рифленому железному полу. Но уверенно сжимающий в руке рюгер юноша успел подхватить труп и, тихо и аккуратно опустив его на пол, ловко закинул на плечо ремень тяжелого автомата. Пальцы уверенно пробежались по оружию, и мальчишка довольно хмыкнул.

– Обожаю немцев, – заключил он и, отправив рюгер в кобуру, выставил на автомате режим бесшумной стрельбы. Быстро хлопав труп и разжившись тремя магазинами в довесок к стволу, паренек распахнул их по карманам и, подойдя к двери, ведущей в салон, холодно усмехнулся. – Правильно говорят: если не можешь сделать чего-то сам, доверь тем, для кого это не составит проблем. Главное – не забыть оплатить работы. Желательно без сдачи.

Бой в ограниченном пространстве – штука очень неприятная, но быстрая. А уж в вагоне, с его-то теснотой, и подавно. Честное слово, если бы не отвод глаз и тот факт, что на него никак не влияет бесшумная пальба из старшего брата моих рюгеров, думаю, этого «коридора смерти» я бы просто не прошел... Как и без разгона, куда же без него... А так – первые шестеро противников вообще не успели понять, что уже убиты, а остальные хоть и успели всполошиться,

когда тело шестого наемника загремело на пол, своротив по дороге державшийся на соплях складной стол, но сделать так ничего и не смогли. Разве что успели перепугаться перед отправкой на тот свет, но это уже их проблемы... Нет, последняя «сладкая парочка», отчего-то затихавшая в последнем отсеке, что у самого гальюна, даже в коридор выглянуть успела. А вот воспользоваться мыльницей рации, закрепленной чуть ли не на плече, ни один из них уже не смог. Автомат выплюнул две «тройки» почти в упор, и тела наемников рухнули на грязный пол. Вот так. Тридцать выстрелов на десять целей.

Я замер на месте, не отводя ствола от двери, ведущей к гальюну и тамбуру. Стоп. Один у тормозной площадки да десять здесь... а в вагон, я точно помню, заходило пятнадцать человек ровно. Еще пять должны быть в тягаче. Точно знаю, специально пересчитывал, когда они грузились. Этот их Казимир перестраховался. Отдал десяток своих бойцов в усиление к тем гаврикам, что на поезде прикатили... А раз их нет здесь и я сильно сомневаюсь, что наемники решили прогуляться к своим друзьям в «голове» состава... Я тронул Эфир и, тихо выматерившись себе под нос, рванул ко второму тамбуру, на ходу меняя магазин автомата на полный.

В самом закутке было пусто. А вот дверь на открытую площадку хлопает. Ну не спрыгнули же они на ходу, правильно? Правильно... особенно учитывая, что в соседнем вагоне «бабы-ы!!!». Все как одна в подавители закованы, да под дулами автоматов... а значит, никакого сопротивления оказать своим гостям они не смогут. Твою дивизию!

Выглянув на тормозную площадку, я поморщился, заметив сорванные пломбы на низкой двери грузового вагона. Точно, развлекаться пошли, твари...

Создав воздушный пузырь, моментально отрезавший площадку от воющего ветра и шума движущегося состава, я аккуратно потянул на себя дверь, старательно скрывая движение за отводом глаз и надеясь, что в этот момент никто с той стороны на нее не смотрит, скользнул в полумрак грузового вагона, еле рассеиваемый тусклой гирляндой-временкой, протянутой под крышей этого железного гроба.

От ударившей по мозгам какофонии эмоций меня аж качнуло. Поморщился: честное слово, это хуже зубной боли! Страх, ярость, ужас... и еле заметная на этом фоне нотка грязенького такого предвкушения, словно запах гнили...

Стоявшие у самой двери наемники, державшие под дулами автоматов вжимающуюся в дальний конец вагона толпу, дружно осели на грязный пол, расплескивая кровь из распоротых ножами шей. А вот не хрен было отвлекаться на приятелей, всю лапающих вытащенную из толпы девчонку. Уроды устроились чуть в стороне от фонащей ужасом и ненавистью толпы и устроили представление, старательно, напоказ и неторопливо сдирая с выламывающейся из их граблей заложницы немногочисленную одежду... Эксгибиционисты, насильники и педофилы. Ей же лет двенадцать-тринадцать, не больше! Ла-адно... Как говорится, до бога высоко, до царя далеко... Побуду за обоих, авось не обидятся...

Кхукри не очень-то подходит для прямых уколов, рубить и резать им куда сподручнее, на мой взгляд. Только боюсь, если бы я залил кровью наемников пытающуюся сейчас вырваться девчонку, истерика была бы гарантирована. И кто знает, не поедет ли у нее от такого представления крыша?

Шаг, еще один. Удар по затылку одному и, пока тот не свалился под ноги своей жертве, резкий тычок ножом в грудь второму. Все-таки колоть таким ножом не очень удобно, да... Но под разгоном это даже не его проблемы, а того, кому широкий клинок разворотил ребра.

Выныриваю из разгона – и низкий гул, наполнявший вагон, тут же превращается в плач детей, спрятанных за спинами старших заложниц: ни одного мужского или хотя бы юношеского лица. Только женщины, девушки и девочки. А я-то еще удивлялся, что никто из пленников даже не попытался рискнуть там, на вокзале. Просто некому было!

Перевожу взгляд на замершую передо мной соляным столпом девушку... хотел было помахать у нее перед лицом рукой, но тут же опомнился и, вытерев кхукри, для начала решил убрать их в ножны. Не тут-то было.

– Можно? – Девчонка отмерла, бросила короткий взгляд на тихо застонавшего у нее под ногами единственного оставшегося в живых наемника и указала на нож в моей руке. А в эмоциях... Я старательно отгородился от вала ярости и боли, захлестнувшего заложницу.

– Тяжеловат он для тебя, боярышня...

Пошарил взглядом по телам наемников и, увидев нужное, выхватил из набедренных ножен одного из них вполне приличный боевой нож. Девочка кивнула, принимая его у меня из рук, и, резко присев, почти упав на тело вырубленного мною уroda, с силой вогнала клинок ему в затылок, по самую рукоять. Точно боярышня... из новгородских, должно быть. Замерев на секунду, девочка поднялась на ноги и протянула оружие мне. Покачал головой.

– Твой враг – твой трофей. – Пафосно? Но необходимо. Пусть пленники поймут, что не сменили шило на мыло. Да и чуть-чуть доверия с их стороны мне не помешает. Конечно, прямо сейчас одаривать присутствующих оружием из доставшегося мне арсенала наемников я не собираюсь – мало ли на кого помутнение найдет! А эта девочка послужит примером и аргументом для остальных: пусть видят, что плен для них закончился. Как бы еще с подавителями вывернуться? Не хочу я пока им руки развязывать, с другой стороны... околеют же в этом холодильнике!

– Как тебя зовут, боярышня? – перевел я взгляд на склонившуюся над убитым ею наемником девочку.

– Ника, – стаскивая с тела ремень с ножнами, пропыхтела она... Но тут же спохватилась и, выпрямившись, произнесла уже совсем другим тоном: – Ника Тверитина, младшая дочь боярина Тверитина.

– Хорошее имя. Тебе подходит. Поможешь мне в одном деле, Ника-Победа? – бросил короткий взгляд на все еще жмущихся к дальнему концу вагона заложников.

– В чем? – явно отследив мой взгляд, настороженно спросила она.

– Мне нужно добраться до головы поезда. Там осталось еще пятеро... этих, – ответил, пнув ногой труп. – А оставлять за спиной хаос очень не хочется. Кто знает, как у остальных с нервами. Учудят еще что-нибудь. Поможешь отобрать здесь самых вменяемых – таких, чтобы смогли и малышня успокоить, и нервных взрослых от глупостей удержать? Человек пятнадцать-двадцать, на большее количество у меня просто оружия не наберется.

– Помогу, – серьезно кивнула Ника и, забыв о ремне и ножнах, так и не снятых с наемника, принялась осматривать толпу изучающим взглядом. Кремень девка!

Вот и замечательно. Нет, я и сам мог бы сориентироваться по эмоциям, но... Да-да, опять показательное доверие, а заодно определим «командиров». Кто его знает, как оно дальше повернется, и не придется ли уходить от поезда на своих двоих? Так пусть у меня будет хотя бы пара десятков помощников, чтобы не пришлось самому глотку надсаживать, пытаясь заставить эту толпу действовать, как нужно мне, а не левой пятке какой-нибудь истерящей боярышни.

Не дожидаясь, пока выбранные Никой придут в себя от такой резкой смены обстановки, я наскоро «прошелся» по их эмоциям и, удовлетворенно кивнув, постарался сжато объяснить происходящее... Но тут же чуть не утонул в посыпавшихся вопросах.

– Стоп-стоп-стоп! – выставив перед собой ладони, я кое-как остановил этот словесный ураган. Девушки тут же замерли на месте и уставились на меня в ожидании. – Дамы, я отвечу на ваши вопросы позже, в поезде еще пятеро наемников, а до Сортировочной, где можно будет увести поезд на кольцо, времени осталось всего ничего. Давайте сделаем так. Я сниму с вас подавители, а вы пройдитесь по вагонам, успокойте остальных и позаботьтесь об обогреве. Здесь же сдохнуть можно от холода.

Высказавшись, я окинул девушек взглядом и, убедившись, что они не собираются задерживать меня своим любопытством, кивнул.

– Итак, с кого начинать?

– С меня. – Ника-Победа ожидаемо оказалась первой.

Раскачав Эфиром браслеты-подавители, обвивавшие руки девчонки, я сжал ладонями широкие пластиковые полосы, и те, хрупнув, разлетелись осколками, звонко застучавшими по рифленому железному полу. Надо было видеть глаза наблюдавших за процессом девушек.

– Они одноразовые, – мысленно чертыхнувшись, постарался я сохранить равнодушное выражение лица и пожал плечами в ответ на их вопросительные взгляды.

Удивление сменилось неуверенными кивками. Ну да, понять, как я это сделал, они не могли, да и настоящих одноразовых подавителей наверняка никогда не видели... Сомневаюсь, что подобные вещицы входят в круг девичьих интересов.

Расправившись с подавителями, я молча кивнул чуть расслабившимся девушкам и двинулся в дальний конец вагона. Толпа остальных пленников резко подалась в стороны, пропуская меня к двери, оказавшись за которой я решил не пробираться через весь состав, натываясь на пленников, а пробежать верхами. Времени действительно оставалось немного, и пробежка по крышам вагонов вполне могла помочь его сэкономить.

Приняв решение, я вздохнул и, уцепившись за узкую металлическую лестницу, приваренную с торца, словно специально для безголовых любителей риска, полез на крышу. Разгон...

Иван покосился на стоящего рядом наемника, сверлящего пустым взглядом темноту за стеклом, и поежился. Если бы еще вчера кто-то сказал старому машинисту с сорокалетним стажем, что он поведет состав с пленниками для каких-то уродов, Коробов бы только посмеялся. А вот поди ж ты... Руки старого железнодорожника, тяжелые, мозолистые еще с тех времен, когда об электроходах даже не слышали и он сам кидал в топку уголек, сжались в кулаки до побелевших костяшек. Машинист медленно выдохнул и, поблагодарив бога за то, что охранник остался в кабине один, уже решился напасть, когда наемник вдруг странно хекнул и, влетев головой в боковое окно, беззвучно исчез за бортом, а в следующую секунду Иван замер, почувствовав прикосновение влажного лезвия к своей шее.

– Назови хоть одну причину, по которой я должен оставить тебя в живых.

От этого голоса, чуть хриповатого, но явно мальчишеского, машинист вздрогнул.

Часть вторая

По равнинам и по взгорьям

Глава 1

Тайное, явное... кому какое дело?

Стрелки-стрелки, стрелочки. Что делает солдат, получив приказ прекратить движение поездов в каком-то районе? Взрывает к чертям железнодорожное полотно или пускает дымом какой-нибудь крупный железнодорожный узел. А что делает современный чиновник, получив сходный приказ? Отключает автоматику. Нет, его, конечно, тоже можно понять. Разные бывают причины и разные же способы исполнения приказов. Тем более что такой чиновник чаще всего лицо материально ответственное, и больше всего его беспокоит тот факт, что за... хм... слишком радикально выполненное поручение его по головке не погладят. Но ведь думать же надо! Если отдан четкий и недвусмысленный приказ блокировать все железнодорожные пути Москвы, то почему гражданские ограничились лишь отключением автоматики? Что, неужели так трудно пройти по стрелкам и вывести из строя переводные механизмы? Так ведь нет, получив приказ, brave железнодорожные чиновники просто заглушили единую систему управления и бодро отрапортовали о выполнении задачи...

Все это рассказал мне господин Коробов, железнодорожник черт знает в каком поколении. Если не врет, династия его началась еще в начале позапрошлого века, чуть ли не с потешной чугунки, выстроенной под Новгородом для выездов августейшей фамилии в загородную резиденцию... Ор-ригинальный такой дядечка.

Он вообще много интересного рассказал, когда понял, что я не собираюсь продолжать дело наемников и намерен увести заложниц под охрану бронеходчиков. Видел я, видел у их КП на въезде в город старый добрый телефонный кабель... небось еще со времен Великой войны на складах завалился. Вот и воспользовались бы крутелкой с трубкой, вызвали технику и доставили бы девчонок в безопасное место. Да хоть и в распоряжение полка.

Но этот Коробов... мужик меня поразил. Стоило заикнуться о том, чтобы свести состав на кольцо и подвести его поближе к старой Смоленке, этот здоровяк фыркнул в прокуренные порывевшие от табака усы и хитро усмехнулся.

– А почему сразу в Часцы не рвануть? Там же съезд рядышком. Движения сейчас никакого. Поддадим огоньку – и через сорок минут будем на месте.

– Хм... мысль, конечно, интересная. Только... А не подстрелят нас по ходу пьесы рьяные гвардейцы? А то и вяземская дружина приголубит...

– Ну, ты же, боярин, хотел как-то с бронеходчиками связаться, чтобы машины и охрану прислали, – пожал плечами Коробов. – Так можно будет и сказать, чтобы не палили. Уж, думаю, людей Максима Александрыча-то они и сами предупредят. Если те, конечно, действительно за путями наблюдают...

– Наблюдают, – согласился я. – А с чего ты, Иван Борисович, так уверен в боярине Вяземском? Может, он тоже с мятежниками?

– Да на что ему это! – протянул Коробов. – Вот кабы в том имении по-прежнему его предшественник сидел, тот, что последний князь Вяземский был, – тогда да... А Максиму Александрычу бунтовать не с руки. Его род, считай, после смерти княжеской фамилии все их вотчины унаследовал, ну, кроме городков, понятное дело. Так их государь никому не отдавал. А не случись той бучи – ходил бы сейчас боярин Вяземский, как и отец его, и деды, в присутствии на службу да голову бы ломал, где дочерям приданое взять. Не-э... не станет он бунто-

вать. Для него владетельные⁴ у власти – что нож острый. Они-то его по сию пору в худородных числят, хоть и ведет боярин свой род от Рюрика-Сокола.

– И откуда же ты все это знаешь, баюн железнодорожный... – вздохнул я под тихий нервный хохот Коробова, речь которого вдруг явственно стала отдавать нафталином стиля позапрошлого царствования.

– Верно говоришь, боярич, железнодорожный и есть, – прогудел он, поймав мой взгляд. – Классам-то нашим именно род бояр Вяземских покровительствует. Уж сотню лет как. А я третьим в выпуске был.

– Ладно. Понятно. – Я потер подбородок и, глянув в темноту за стеклом, поинтересовался: – Мы разезд-то не проскочим? Сеть обесточена, указателей не видно.

– Не волнуйся, боярич. Мимо не проедем. Тут ходу-то осталось... – Коробов бросил взгляд куда-то на панель приборов и кивнул. – Минут пять, не больше. Если, конечно, огоньку не поддадим.

– Да не боярич я, мещанин! Хм... А не притормозить ли нам на те самые пять минут, а? – проговорил я.

– Ну, мещанин, так мещанин. А зачем останавливаться? – пожав плечами, поинтересовался Коробов.

– А я сбегая к стрелке, гляну, не ждет ли нас там кто... типа этих. – Я мотнул головой в сторону выбитого окна, и мой собеседник нахмурился. Пожевал губами, вздохнул... и поезд начал замедлять и без того небыстрый ход.

– Твоя правда... – наконец проговорил он, когда состав окончательно остановился. – Проверить надо.

Пока машинист утихомиривал своего железного монстра, я успел привести в порядок амунизию и проверить оружие, а едва поезд замер на месте, вручил этому «укротителю» коробочку рации. Проинструктировав Коробова, как ею пользоваться, я в свою очередь выслушал наставления по тому, какую именно стрелку нужно перевести и как это сделать вручную, после чего махнул ему рукой и, отворив дверь, прыгнул наземь. Только и успел заметить, как старый машинист перекрестил меня на прощание. И такая помощь будет очень кстати. Особенно если у наемников все в порядке с мозгами и они действительно выставили охрану у стрелки...

Выставили. Одинокая легкая боевая платформа, вооруженная крупнокалиберным стрелометом, замерла в темноте недалеко от стрелки. Эфир донес до меня ощущение присутствия пяти человек – и никакого следа хоть какой-то поддержки. Убедившись, что кроме этой пятерки в округе больше никого нет, я укрылся отводом глаз и пошел выказывать им свое «почтение». Снятый мною с разгрузки командира охраны поезда, оставшегося лежать на полу головного вагона поезда, вместе с тремя другими отморозками, гладкий шарик гранаты скользнул в руку. Рывок кольца, рычаг отпущен. Раз... два...

Граната влетела в распахнутый верхний люк платформы. Откатываясь в сторону, я еще услышал удивленный вопль заметившего мой подарок наемника, но его тут же перекрыл грохот взрыва и отдавшийся эхом звон покоренной машины. Теперь контроль. Вот и вся война.

Пять щелчков рюгера, выставленного на бесшумный режим, казались какими-то несерьезными после взрыва наступательной гранаты. Зато теперь я могу быть уверен, что эти точно не поднимутся...

⁴ **Владетельные** (вотчинные) бояре. Здесь речь идет об именитых, чей титул подтверждается т. н. вотчинными землями, дарованными князьями или государями. Земли эти, по своей сути, майорат, со всеми вытекающими последствиями. Их невозможно продать, проиграть, подарить, заложить. А конфисковать может только государев суд и только вместе с лишением боярского титула. *Служилые* же бояре получили свои титулы, как это и следует из названия, за свою службу государям. Могут быть одновременно с пожалованием боярства одарены и землей (имением), но правила майората на такую землю не распространяются. Да и сами имения чаще всего значительно меньше по размерам, чем вотчинные земли.

Честно говоря, я на поиск нужной стрелки потратил больше времени, чем на решение вопроса с наблюдателями. Но нашел и переключил, хотя делать это пришлось под разгоном. Ручной механизм, замерзший и явно о-очень давно не использовавшийся, сопротивлялся до последнего... но все-таки сдался.

Короткая пробежка по холодку... чтобы этот чертов ветер в пылесос засосало! И через несколько минут я уже отогревался в теплой кабине, в компании Коробова... и Ники, вооруженной автоматом одного из охранников и подозрительно посматривающей в сторону печального машиниста, старательно не обращающего никакого внимания на нацеленный в его пузо ствол.

– Девочки уже разошлись по вагонам. Теперь у всех тепло... – облегченно улыбнувшись при виде меня, произнесла-доложила Ника. – А куда мы теперь?

– В расположение московских бронеходов. Там вы будете в безопасности. А полковник уж найдет способ связаться с вашими родственниками, так что скоро отправитесь домой, – ответил я и... осекся, увидев, как вздрогнула эта храбрая девочка.

– Не у всех есть дом, куда можно вернуться, – тихо проговорила она и, дернув головой в попытке избавиться от выступивших слез, попыталась улыбнуться через силу. Не получилось. – Извините.

– Не извиняйся, малышка. – Машинист осторожно отвел в сторону до сих пор нацеленный на него автомат и, шагнув к Нике, погладил ее по голове. Девочка всхлипнула и вдруг вжалась в старого железнодорожника так, что он крикнул. – Ты сильная, а слезы... пусть их. Поплачь, станет полегче...

Он бормотал что-то еще, плечи Ники вздрагивали от рыданий, а я... отвернулся и смотрел в разбитое окно. Не умею утешать. Никогда не умел...

Минуты через три рыдания сошли на нет. Ника отстранилась от машиниста и, смахнув с ресниц слезинки, прерывисто вздохнула.

– Прошу прощения. Это было... не вовремя. – Голос девочки почти не дрожал. Она вытянулась в струнку, прикрыла на миг глаза, и я почувствовал, как Нику обволакивает мягкая волна Эфира. Слабенькая, неровная... Идиот! Ведь мог же и сам сообразить! Я направил в сторону девочки поток, подхватил ее волну и укутал в спокойствие, словно в одеяло. Глаза Ники удивленно распахнулись. Она перевела взгляд с меня на Коробова, потом обратно и, наконец определившись, благодарно мне улыбнулась. – Спасибо.

– Я должен был сразу это сделать... Извини, не догадался, – пробормотал я и перевел взгляд на нашего машиниста. – Нам пора, Иван Борисович.

– Тогда надо проверить, все ли наши пассажиры на месте, – и можем выдвигаться, – ответил Коробов.

– Все на месте. – Я махнул рукой.

– Уверен?

– Сомневаетесь в словах магистра Эфира, Иван Борисович? – чуть ли не пропела девочка. – Зря...

– Гранда, – поправил я. Коробов придушенно выматерился, а Ника ойкнула. – И поехали уже, а то, неровен час, какие-нибудь гости нагрянут.

– Ты действительно гранд? – поинтересовалась девочка, когда поезд вновь мерно застучал по рельсам. Тихо так спросила, словно боялась, что стоящий в четырех шагах от нас Коробов ее услышит.

– Гранд, – подтвердил я. – Кстати, забыл представиться: Кирилл Николаев, мещанин из рода Громоных.

– Мещанин-гранд, да в таком возрасте... не боишься вот так вот признаваться? – удивилась она.

– Хм... знаешь, надоело. Сейчас я думаю, что если бы сообщил окружающим о своем статусе хотя бы полгода назад, половины моих недавних проблем можно было избежать, – ответил я. – К тому же в творящемся сейчас в столице бардаке – кому какое дело до моего грандства? Тут, того и гляди, государя с трона скovyрнут...

– Не скovyрнут, – уверенно произнесла Ника. – Нам бы только весточку родным подать. Не знаю, кто придумал взять в заложники детей бояр, но этим выдумщик подписал себе смертный приговор. Такого не прощают.

– Ника, ты уверена, что тебе только двенадцать? – покосился я на девочку.

– Между прочим, задавать подобные вопросы дамам неприлично, – фыркнула она в ответ.

...Проводив взглядом уезжающий состав с заложниками, взятый под конвой пяти ЛТК из роты охраны полка московских бронеходчиков, я охлопал себя по карманам и, выудив изрядно помятую пачку сигарет, сунул одну из них в зубы. Послушно вспыхнув, сигарета пустила в морозное небо тонкую струйку дыма, а я наконец смог отвести взгляд от удаляющегося поезда. Можно было бы облегченно вздохнуть – все-таки теперь боярским дочкам ничто не угрожает, но новости, сообщенные мне бывшими заложницами и гвардейцами, как-то не располагали к расслаблению...

После того как я перевел еще пару стрелок, позволивших нам свернуть с кольца и выбраться на можайское направление, после недолгих, но очень экспрессивных переговоров с давешним капитаном на КП у старой Смоленской дороги и не менее насыщенной беседы по полевому телефону с офицерами полка, закончившихся, к счастью, полным успехом, за что спасибо участию Осипа Михайловича... И слава богу, что за те несколько визитов на полигон и в часть я успел перезнакомиться с доброй половиной офицеров-бронеходчиков, если не больше. Иначе черта с два бы мне, даже с помощью Осипа Михайловича, удалось убедить командование прислать людей и технику. В общем, после всей этой кутерьмы у меня нашлось наконец время для разговора с Никой и ее помощницами, кстати, наотрез отказавшимися сдать взятое с наемников оружие прибывшим для их охраны гвардейцам.

Как выяснилось в ходе беседы, все «пассажирки» поезда попали в плен к мятежникам в разное время. Причем большую их часть взяли обманом еще до начала всей этой заварухи. Кого-то хватали прямо на улице, кого-то выманивали за порог вузов мнимые приказные... Были и такие, кто попал в плен уже во время мятежа, чьи дома были уничтожены наемниками и дружинниками восставших бояр.

Исключение составили воспитанницы частной, само собой родовой, школы, к которым относилась и Ника, оказавшаяся дочерью главы этой самой школы. Род служилых бояр Тверитиных, небогатый и не особо влиятельный, жил за счет небольшого артефактного производства и родового женского учебного заведения, где в основном находились на пансионе девочки из союзных семей, входивших в одну братчину. Таких же небогатых и не особо влиятельных, но крепко державшихся друг за друга и сильных этой своей сплоченностью. Школа находилась в предместьях, на территории усадьбы Тверитиных... и была уничтожена наемниками два дня назад... От семьи Ники остались только мать, старшая сестра и старший же брат, отправившиеся еще до Рождества в гости к родне в Новгород.

Грустно, конечно. Очень... Но куда хуже были сведения, полученные мною от одного из гвардейцев, прибывших из части для охраны бывших заложниц. Боярский городок больше не существует. Точнее, там осталось с десятков усадеб, скрывшихся под осадными щитами... и все. Остальное было перемолото в труху во время столкновений между боярами и боевыми мятежников с подошедшим Преображенским полком. И с той, и с другой стороны участвовали одаренные и тактические комплексы, так что теперь, если верить словам бронеходчика, на месте элитного района Москвы располагается огромное пепелище. Вот тут у меня внутри

все оборвалось... Только запредельным усилием воли я задавил в себе желание немедленно куда-то бежать и что-то делать.

Очевидно, гвардеец понял мое состояние и не стал досаждать. Только хлопнул по плечу и двинулся к боевой платформе, экипаж которой, как я понял, должен был усилить знакомый мне блокпост.

Я затушил окурок и, глубоко вздохнув, загоняя поглубже боль и страх, попытался поделиться со своими дальнейшими планами. Несмотря на слова офицера, я должен сам побывать в боярском городке и посмотреть все своими глазами. Кто знает, нет ли среди того десятка усадеб, что успели укрыться за осадными щитами, и дома Бестужевых. Кроме того, мне совершенно точно нужно заглянуть домой... Еще стоит навестить загородную усадьбу Громовых и... наверное, дом Филипповых.

Но сначала... нет, не в боярский городок. Первым делом я наведуясь домой. Шататься по воюющему городу лучше нормально экипировавшись.

Поежившись от забравшегося под куртку стилого зимнего ветра, я покрутил головой и, не обнаружив поблизости ни одного человека, ушел в разгон. Бежать мне придется не один километр, а время уже очень далеко за полночь, и пусть зимой светает поздно, стоит поторопиться. Можно, конечно, угнать в городе какую-нибудь машину, но... лишний риск ни к чему. А укрыть целый автомобиль под отводом глаз я не смогу точно. Это не мой «Лисенок» все-таки.

Идти через контролируемый наемниками район после того, как я угнал у них целый поезд с заложниками, желания у меня не было совершенно, именно поэтому для второго забега я выбрал другой маршрут, благо все тот же офицер, что рассказал мне о боярском городке, сообщил, какие районы находятся под контролем мятежников... примерно, конечно, очень примерно, но и это лучше, чем ничего. В результате, покрутив так и эдак карту с нанесенными под руководством гвардейца отметками, выведенную передо мной изрядно помятым, отключенным от сети браслетом, я сориентировался на местности и, мысленно проложив предполагаемый маршрут движения, чуть прибавил ходу.

Фили я прошел легко и без особых проблем, не выбираясь из парковой зоны, а район Пресни, явно находящийся под плотным контролем государевых войск, вообще пролетел как на крыльях... Почти. А все потому, что застройка здесь позволила мне двигаться преимущественно по крышам домов. Прыжок с одного дома на крышу другого под разгоном не представляет большой проблемы. Если, конечно, есть достаточная разница в высоте зданий и расстояние между ними не превышает пятнадцати метров. Большее расстояние, как показала практика, уже опасно. Мне пришлось дважды пользоваться кинетическими щитами, в качестве эдаких ступеней, чтобы не загреметь с двадцатиметровой высоты на асфальт... Тем не менее этот метод хорошо показал себя и в районе Брестского вокзала, Там известного как Белорусский. А все потому что чуть севернее него, кажется, проходила линия соприкосновения защитников трона и мятежников. По крайней мере грохот в той стороне стоял серьезный, и небо то и дело озаряли вспышки взрывов. А когда я обнаружил засевших на крышах снайперов, пришлось сбавить ход и, спустившись наземь, укрыться за отводом глаз. В результате расстояние в пару километров я преодолел едва ли не за то же время, что затратил на путь от кольцевой автодороги до Брестского вокзала. И еще радовался, что не поддался соблазну и не двинулся через центр. Уж там-то, в непосредственной близости от Кремля, я думаю, контроль еще жестче.

К Сокольническому парку я выбрался в седьмом часу утра. И это с учетом того, что дважды обходил по крутой дуге перестрелки. Одну в районе Тривокзальной площади, которую меня то и дело тянуло назвать Комсомольской, а вторую – на подходе к парку, почти у самого храма Воскресения.

Уж кто там в кого палил, я не знаю, но грохот взрывов и волны Эфира, расходящиеся от мест боестолкновений, ничуть не способствовали моему любопытству. А потому, резко свернув в сторону парка, я нырнул под переплетение голых черных ветвей и, петляя между деревьями, вновь скрылся под отводом глаз.

Я не стал сразу подходить к дому и, притормозив за пределами действия системы наблюдения, забрался на дерево, чтобы взглянуть во двор и на постройки. Отсюда было прекрасно видно, что сам дом и баня целы. В окнах темно, но... Напрягая до предела чутье, я замер, исследуя то, что открылось моим чувствам. Вроде бы тихо, спокойно и безлюдно. Но если так, почему при работающих фиксаторах системы контроля я не ощущаю работы вычислителя? Словно его в доме нет вообще. Да и сам дом мне никак не удастся «просветить». Так не должно быть. Мое чутье – не какой-то там артефактный сканер. С того расстояния, что отделяет меня от дома, я должен был бы ощутить его весь, до последнего гвоздя, а уж вычислитель вообще должен звездой гореть! А здесь словно кто-то прикрыл здание темной пеленой. Непорядок. Засада? На меня? Кому еще я мозоли оттоптал?!

Спустившись с дерева, я покружил на месте и, шумно выдохнув, принялся перебирать свое оружие. Достали, твари! Бешенство холодной волной поднималось во мне, смывая беспокойство за Бестужевых с ученицами и боль от смерти Вячеслава... Руки скользили по стальному железу, перебирали магазины и автоматически проверяли, насколько легко выходят из ножен кхукри. Убедившись, что оружие не подведет, я ухватил поудобнее автомат и двинулся к подземному ходу. Двести шагов под отводом глаз – и я стою на дне небольшого овражка. На то, чтобы аккуратно открыть дверь, ведущую в проход, у меня ушло немногим более десяти минут. Заодно убедился, что в последнее время здесь никого не было. Соскользнув в темноту, я прикрыл за собой стальную створку и, сосредоточившись, принялся маскировать вход снаружи. После моих экзерсисов в том карьере это не казалось такой уж сложной задачей. Да и объемы не те, и расстояние, с которого пришлось действовать. Зачем я это делал? Так ведь кто его знает, когда этот ход может пригодиться еще. А раз неведомые гости его пока не нашли, пусть и дальше остаются в неведении.

Проверив результат короткой, старательно скрытой отводом глаз работы со стихиями и Эфиром и придя к выводу, что маскировка удалась, я медленно двинулся вперед. Зрение быстро приспособилось к окружающей темноте. Не зря же я потратил время, чтобы вырезать на подходящих камнях в стенах прохода слабо, очень слабо светящиеся руны. Для обычного зрения их света не хватит, но если воспользоваться «кошачьим глазом», да с эфирным чутьем... в общем, в пространстве я сейчас ориентировался вряд ли хуже, чем днем.

Остановившись у лестницы, ведущей к люку, за которым располагалась подсобка, я тяжело вздохнул и попытался прощупать пространство за дощатым препятствием. К моему удивлению, мне это удалось так легко, словно никто и не думал закрывать дом от сканирования. Или, может быть, мои незваные гости просто не подумали, что защищать от просвечивания нужно не только стены и потолок, но и пол? В любом случае это их проблемы.

Убедившись, что в подсобке нет никого и ничего, включая фиксаторы или иные способы сигнализации... типа привязанной к люку растяжки, я аккуратно поднял крышку и, выбравшись из подземного хода, поморщился от зуда в глазах. Отключив «кошачий глаз», я огляделся и понял причину неудобства. Из-под двери, отделявшей подсобку от основного дома, пробивался тонкий луч света. Именно он, полоснув меня по глазам, и вызвал такую реакцию. Хм. А снаружи дом казался темным и необитаемым. Я коснулся Эфира, осторожно исследуя пространство за дверью, и...

Ольга с Леонидом как раз закончили очередной бесполезный спор о том, кто из них идет «за покупками», и настоявший на своем Бестужев-младший уже поднялся с лавки, чтобы

отправиться в комнату за гримерным набором, когда неожиданно наполнившийся диким изумлением взгляд сестры остановился на чем-то за его спиной.

– Вот ведь оккупанты! – знакомый хриловатый голос.

Леонид обернулся и закаменел, следом за сестрой.

– Кирилл! Живой!

Визг неожиданно быстро пришедшей в себя Ольги чуть не сбил Бестужева-младшего с ног, а в следующую секунду сестра, заливаясь слезами, повисла на шее устало улыбающегося, худого и грязного, словно последний бродяга, жениха.

Глава 2

В тесноте, да не в обиде

Рассказ Бестужевых меня... нет, не потряс, но удивил очень сильно. Иначе чем чередой случайностей и невероятным везением произошедшее с моими будущими родственниками и назвать-то сложно. Начать с того, что в результате действий Славы и Осипа Михайловича, утаивших мое местонахождение, в момент начала мятежа все мои ученицы оказались в усадьбе Бестужевых, эдакое «совещание в Филях» с единственным вопросом на повестке дня: где искать мое покалеченное тело. Это была первая счастливая случайность, поскольку нахождение на территории боярской усадьбы гостей из именитых фамилий всегда сопровождается мерами повышенной безопасности. В результате, заслышав невдалеке активную пальбу, взмыленные дружинники Бестужева, в полном соответствии с инструкциями, перевели усадьбу в осадное положение.

Везение второе. Владельцы двух соседних участков, с которыми, по традиции, у Бестужевых был заключен оборонительный союз, на момент атаки пребывали в загородных имениях или вотчинах. Потому охране их городских усадеб не пришлось тратить время на какие-либо согласования или еще как-то его терять. Действуя в соответствии с условиями оборонительного союза, дружинники приняли главенство Бестужева и, не мешкая, тоже подняли осадные щиты. Сопряжение и без того мощных артефактных средств защиты превратило территорию усадеб в маленький укрепрайон, по защищенности способный конкурировать с Тамошним противоатомным бункером глубокого залегания. По крайней мере Ольга на полном серьезе утверждает, что разгрызть этот орешек не удалось бы и трем ярым, даже если бы они объединились в малый круг.

Собственно, именно скорость, с которой три усадьбы перешли на осадное положение, и спасла их обитателей от участи превращения в прах и пепел. Мощный удар, нанесенный инсургентами по площади, снесший чуть ли не половину боярского городка, так и не смог продавить тройных щитов. А если еще учесть, что заряд на тот момент забитых под завязку накопителей, питавших защиту, под этим ударом сразу просел до десяти процентов от максимума, то произошедшее действительно можно считать чистым везением.

Третьим же счастливым случаем стали комплексы СЭП, установленные на двух из пяти трофейных «Визелей». Один из них сразу после удара был введен Ольгой в работу, и мощности комплекса хватило, чтобы скрыть излучение работающих осадных щитов усадеб в бушующем на месте удара море Эфира. Учитывая, что соваться «живьем» в заметаемые пеплом руины этой части боярского городка мятежники не собирались, опасаясь хватануть радиации или эфирного ветра⁵, работающей СЭП оказалось вполне достаточно, чтобы прикрыть усадьбы от их внимания.

– А сюда вы как попали? – вздохнул я, прижимая к себе устроившуюся на моих коленях Олю. – И зачем? Что вам дома-то не сиделось, под защитой?

– Здесь спокойнее, – хмыкнул Леонид, поняв по довольному лицу купающейся в моей нежности невесты, что та не намерена «выбираться на берег» и участвовать в беседе.

⁵ **Эфирный ветер** – «...эффект, возникающий в местах применения тяжелых площадных техник уровня не ниже среднего круга гридней (для создания которого необходимо присутствие как минимум пяти стихийников соответствующего статуса). Воздействие ЭВ на организм человека негативно. В зависимости от мощности примененной техники может привести к самым разным, но всегда крайне трудноизлечимым последствиям – от так называемой разбалансировки дара, приводящей к временной потере возможности полноценно оперировать стихиями, до нарушения нервной деятельности, вплоть до высшей, в самой тяжелой форме. Полевых средств защиты от ЭВ, построенных на основе стихийных техник, на данный момент не существует...» (Выдержка из конспекта школьного начального курса Обеспечения безопасности жизнедеятельности ученика младшего «Б» класса Гимназии Святого равноапостольного князя Владимира Бестужева Л. В.)

– Спокойнее, чем под осадными щитами бестужевской усадьбы? – Я фыркнул.

– Именно, – хмуро кивнул мой бывший заместитель. – Ветер спадает, Эфир почти пришел в норму, так что еще неделя-другая – и в городок полезут все кому не лень. От мятежников и бандитов до шаек мародеров и прочей швали. А значит, и усадьбы обнаружат. Черт с теми мародерами, через осадные щиты им не пробиться, но если судить по происходящему в городе, инсургенты обязательно попытаются уцелевшие усадьбы на штык взять. И я не думаю, что государевы войска будут им мешать... по крайней мере, пока центральную часть города не очистят. Гвардейцы те же, например, прошли частым гребнем от Преображенского до Три вокзальной, посты на Оленьем валу и Стромьинском тракте выставили, и больше им до той территории дела нет. А здесь тихо. Парк, конечно, никому не нужен, но находится под защитой государевых войск. По просекам чуть ли не каждый час ТТК рассекают, так что ни инсургенты, ни бандиты сюда не суются. У преображенцев с ними разговор короткий: тесаком в лоб – и вся любовь...

– Дела-а. И как же вы сюда добрались? Машины-то, как я в городе видел, отстреливают тоже без всяких разбирательств!

– Так в ЛТК и добрались... потихоньку, – промурлыкала Оля, склонив голову мне на плечо. – Аристарх шел огневой поддержкой, я Эфир отслеживала, а Жорик с Леонидом в машине со стендами и припасами ехали. Правда, пришлось маленькую комнату под оборудование отвести, а в коридоре теперь генератор стоит. Тесновато, конечно, стало, зато нас здесь никто не видит! Я СЭП от этой бандуры запитала, так что никакой сканер здесь ничего не покажет. Темно, тихо... никого нет дома, короче говоря. Вот!

– И что, вы здесь так вчетвером и кукуете? И кстати, где в этом случае остальные мои ученицы? – удивился я. Честно, хоть некая логика в приведенных мне доводах и имелась, я не мог понять, почему тот же Бестужев не схватил всех присутствовавших в охапку и не утащил их из города?

– Как где? С нами приехали. Девчонки вчетвером твою спальню оккупировали. А мы, то есть я, Аристарх Макарович и этот длинный Жорик, в гостиной ночуем, – с сарказмом заметил Леонид. Ну да, общежитие то еще получается...

– И где же они сейчас? – поинтересовался я.

– В погребе порядок наводят, – пожал плечами Леня.

Не понял...

– У меня есть погреб? Не знал.

– Теперь есть, – уверенно кивнул бывший заместитель старосты класса и, покосившись куда-то в сторону, поморщился. – Дядьки Аристарха идея. Только у него не погреб получается, а бункер какой-то. Там одна защитная клетка половину мощности генератора жрет, а он в эту яму еще планирует стенды спустить и холодильную установку поставить.

– А что, хорошая мысль, – согласился я. – Если уж у меня такой табор остановился, место надо освобождать. Я только одного понять не могу... Почему Валентин Эдуардович вас из города не увез?

– Мы сначала так и собирались... – бросив короткий взгляд на сестру, протянул Леонид, а от Оли вдруг шибануло смущением, – но некоторые, не буду показывать пальцем... наотрез отказались покидать город без тебя. Чуть до рукоприкладства не дошло.

– Это как?

– А так, – с деланным недовольством пробурчал Аристарх Макарович, входя в гостиную. Однако подрагивающие уголки губ выдавали его с головой. Лыбу давил господин Хромов. – Невеста твоя уперла руки в боки и поставила ультиматум. Или прячемся в городе и начинаем твои поиски, или она сбежит. Валентин Эдуардович в голос орать принялся, а ученицы твои немецкой «свиньей» выстроились и буром на него поперли. Числом и визгом задавили... пришлось боярину отступить.

К концу насмешливой тирады Хромова Ольга прыгнула с моих колен, и я наконец смог встать на ноги, чтобы пожать руку бессменному хранителю спокойствия в доме Бестужевых. Обнялись, Аристарх чуть не переломал мне ребра, но вдруг нахмурился и повернул голову в сторону Леонида:

– Так, я не понял! Время – девять, до встречи всего полчаса, а ты все еще здесь и без грима?!

Бестужев-младший хотел было что-то возразить, но тут в коридоре грохнула крышка люка, и в гостиную с радостным визгом ворвались близняшки. Как ни удивительно, но рассудительная и обычно хладнокровная Елизавета от них не отставала. В результате, только освободившись от медвежьей хватки Хромова, я тут же оказался в плену девичьих рук.

В следующие несколько минут я точно понял, что чувствует новая плюшевая игрушка, оказавшись в руках детей. Меня просто затискали!

– Стоп! Хватит! – рявкнул Аристарх Макарович, еле сдерживая смех, и девчонки замерли на месте, словно замороженные. Я покосился на хихикающих Ольгу с Леной и вздохнул. Но Хромов заставил их замолчать одним коротким взглядом и рыком. – Дежурные, где завтрак? Леонид, бегом маскироваться! Блондинки: веник, тряпка – и вперед. Чтобы пол блестел, как... как моя фамилия!

Ольгу с Елизаветой будто ветром сдуло, а следом и близняшки слиняли в сторону подсобки. Зато на это рычание выполз из бывшей гостевой спальни Жорик. Обвел красными с недосыпу глазами комнату... и расплылся в улыбке, увидев мою скромную персону. Честное слово, он смотрел на меня как на спасителя какого-то!

Припомнив взгляд Леонида, когда прошло первое удивление от моего визита, и довольное лицо Хромова, я тихо хмыкнул. Кажется, переволновавшаяся в мое отсутствие Ольга успела основательно достать мужскую часть коллектива... А если вспомнить о такой вещи, как женская солидарность... М-да, сочувствую.

От размышления меня отвлек грохот. Это Леонид попытался проскользнуть между Милой и стеной и, получив по затылку древком швабры от неловко развернувшейся Лины, чуть не поцеловался со шкафом.

– А что за встреча? – поинтересовался я у Хромова.

– Связой от Громовых должен подойти к Алексеевским рядам. Для виду чуток припасов принесет, а на самом деле – очередную просьбу возвращаться в отчий дом для близняшек... Ну и новости о твоих поисках, и вообще...

– Новости? Поиски?

– А ты что думал, тебя никто не ищет? Тяжело, конечно, с этим мятежом, но... и наши люди, и громовские поисков твоих не прекращали ни на минуту. Да еще и Елена Павловна своих знакомцев напрягла. – Тут Хромов покачал головой и заметил уже куда тише: – Хм. Кто бы мне сказал, что у этой почтенной боярыни половина московских хитрованов в должниках ходит, – ни за что бы не поверил...

– Так, понятно... А схожу-ка я с Леной, пожалуй. Прикрою его, заодно и связному покажусь, – предложил я.

– Давай, – неожиданно с готовностью согласился Аристарх. – Это дело. Как ты укрывать от чужих взглядов умеешь, я помню. Так что Ленку с тобой со спокойной душой отпущу. Да и Громовых появлением наяву успокоишь. А то Федор Георгиевич, по-моему, о твоей судьбе переживал больше, чем о дочерях, в лесу прячущихся.

– О как. Интересная новость, – протянул я...

Кажется, район Сокольников превратился в этакий островок спокойствия в море московского мятежа. Ничего удивительного. С севера его ограничивает парк, не представляющий для инсургентов никакого интереса, фоящее пепелище на месте боярского городка подковой обрамляет Сокольники с северо-востока и востока. Да, на западе и юго-западе, в районе Три-

вокзальной идут постоянные бои, но вокзалы мятежникам куда интереснее, чем спокойные Сокольники, где нет ни одного важного объекта. А на юге и юго-востоке расположены старые фабричные районы, где инсургентам и подавно делать нечего. Не воюют мятежники с гражданским населением... точнее, с частными подданными государя. Зато верных престолу бояр стараются давить везде, где только возможно.

Короткий рассказ Хромова о происходящем вокруг дополнил связной Громова, встреченный мною и Леонидом у изрядно опустевших, но все еще работающих Алексеевских рядов. Только цены здесь теперь... да и выбору далеко до прежнего. Хотя, кажется, острой нехватки продуктов пока нет. Но цены, цены! М-да, нет ничего удивительного, что вокруг развелось столько бандитствующей сволочи...

Николай, мой постоянный поставщик курева, был немало удивлен, когда на встречу с ним явился не только Бестужев-младший, но и человек, которого три боярских рода ищут по всей Москве уже две с лишним недели, но быстро взял себя в руки, и уже через несколько минут мы, довольно комфортно устроившись в каком-то пустом заколоченном ларьке на задворках захламленных торговых рядов, пили горячий чай и делились новостями. Я коротко поведал о перипетиях моего исчезновения, а Николай в ответ поделился информацией о происходящем в городе.

Честно говоря, услышанное от Хромова и Николая оставило у меня ощущение какой-то неправильности. Ну, странно это, очень странно. Зачем было уничтожать боярский городок, поднимая на уши гвардию? Такой же удар по Кремлю дал бы куда более серьезный результат. Но нет... мятежные бояре режут оставшихся верными государю именитых, наемники воюют с гвардией и похищают боярских отпрысков... а кремль и основные правительственные объекты скрыты под такими щитами, по сравнению с которыми созданный Бестужевыми кластер – не более чем карточный домик. И это мятеж?! Это бессмысленная резня, и ничего больше. РСДРП на них нет с товарищем Ульяновым – вот уж кто в момент показал бы, как надо брать власть. Дурдом.

А связь? Нет, того, что мятежникам каким-то образом удалось блокировать коммуникационные возможности Эфира, не учитывать нельзя, но... Как показали бронеходы, полевым телефонам на это начхать. Ни на секунду не сомневаюсь, что и у государя они найдутся. А значит, попытка инсургентов погрузить столицу в информационный вакуум провалилась на корню. Странно это все. Нелогично.

– Кирилл, может быть, ты сможешь уговорить девушек перебраться за город, в безопасное место? – Николай отвлек меня от размышлений, вновь заводя шарманку о необходимости нашего переезда. Собственно, он начал говорить об этом сразу, как пришел в себя от моего появления. И, кажется, совершенно не собирался прекращать попытки уговорить меня на скорейший переезд.

– Может быть, может быть... – протянул я и, заметив недовольный взгляд громовского дружинника, развел руками. – Николай, я только-только вернулся. Мне сначала нужно хоть немного разобраться в происходящем вокруг, а уж потом решать, «куда бечь». Пока у меня слишком мало информации, в том числе и о том, что творится за городом, и соответственно, нет никакой уверенности в том, что там ученицам будет безопаснее, чем у меня дома.

– Кирилл... но хоть у Бестужевых. Раз уж твои ученицы сумели добраться оттуда до твоего дома, то и обратно попасть сможете. А под крылом у Валентина Эдуардовича вы точно будете в безопасности. С его-то дружиной и возможностями...

Тут Николай осекся и, бросив короткий взгляд на Леонида, тяжело вздохнул. А ведь уже не первый человек говорит мне о *возможностях* боярина Бестужева. Дед вот тоже, помнится, намекал... Ой, поговорю я с тестем. Когда-нибудь... хм.

– Кирилл?

– Не сейчас, Коль. Дай мне отдышаться. – Я покачал головой. – Доберусь до дома, поговорю со своими, подумаем и решим. А пока просто передай мой привет Федору Георгиевичу и благодарность за беспокойство. И еще обязательно поговори с Гдовицким. Скажи ему, что нам необходимо встретиться. Именно необходимо. Сделаешь?

– Ладно, передам. – Николай хмуро кивнул и, не говоря ни слова, протянул мне пачку сигарет. Дрессура, однако. Поблагодарив дружинника, я убрал сигареты в карман и, дождавшись, пока тот отдаст пакет с нехитрым продуктовым набором Леониду, поднялся с пустого ящика, заменившего мне стул.

– Ну что, будем прощаться?

Мы обменялись с Николаем рукопожатиями и принялись выбираться из ларька. Первым на свежий воздух выбрался дружинник, а следом за ним потянулись на выход и мы с Леонидом.

Николай моментально исчез в переплетении замусоренных полупустых проходов, а вот Ленью я притормозил.

– Как думаешь, найдется в здешних развалах хоть одна работающая рунная лавка?

– Зачем тебе? – не понял Ленья.

– Хочу обзавестись набором рунного железа и хорошим выжигателем, – честно объяснил я.

– Кирилл! – Бестужев-младший тихо рыкнул и ткнул меня кулаком в плечо.

– Нам нужна связь, – посерьезнев, объяснил я. – Надеяться найти в свободном доступе хорошую и мощную радиостанцию бессмысленно. Но это не значит, что мы не можем собрать такую сами.

– У тебя есть схемы? Потому что те, что можно было бы отыскать в паутинке, нам, как ты понимаешь, теперь недоступны, – фыркнул Ленья, но во взгляде у него явно проскользнул интерес.

– Нет. Зато есть целых два специалиста по железу... и мои скромные познания в радиоделе, – хмыкнул я.

– А ведь верно. Ольга с Жориком наверняка помогут...

– Тихо. У нас сейчас будут гости. И не крути головой, – одернул я нахмурившегося Леонида. – Два фиксатора в начале этого прохода, еще два – на пересечении со следующим. Не стационар. И пять человек на подходе.

– Уверен?

– Эфир не обманывает, – покачал я головой, бросив по сторонам короткий взгляд. Тихо, пусто, безлюдно. Собственно, чего-то в этом роде и следовало ожидать.

– Будем драться? – облизав губы, тихо поинтересовался Ленья.

– Зачем? Мы от них просто уйдем.

Никакого желания общаться с расплотившимся шакалем у меня не было. Нет, будь я один, можно было бы и проредить их количество. Все-таки подобные рассадники плесени рядом с домом мне совсем ни к чему. Но сейчас со мной Леонид. Пусть он вот-вот станет воем, на его реальных умениях статус никак не сказывается, то есть в настоящем столкновении пользы от его знаний будет немного, а значит, придется его прикрывать. Потом... приду один и почищу это место. Благо, если учесть размеры рядов, много швали здесь быть не может. Не прокормятся.

Придя к такому выводу, я коснулся Эфира и, определив точное местонахождение предательских фиксаторов, ударил по ним от всей души. Артефакты тихо треснули и, пустив в небо куцые дымки, вырубались намертво. Всего и делов. Укрыв нас с Леонидом отводом глаз, я толкнул своего бывшего заместителя в плечо, и мы двинулись прочь от места засады. Пускай шакалы погадают, куда делась их добыча.

– Кирилл, а зачем тебе понадобилось встречаться с Гдовицким? – поинтересовался Ленья, молчавший до самого выхода из Алексеевских рядов, где я снял с нас отвод глаз.

– Как тебе сказать, Ленъ... – Я остановился у заколоченной витрины магазинчика, где неоднократно уже приобретал браслеты-коммуникаторы. – Он ведь не просто дружинник, как Николай. Гдовицкой – начальник службы безопасности, а значит, у него совсем другой доступ к информации и гораздо больше людей и средств для ее анализа. Я очень хочу надеяться, что он сможет пролить свет на происходящее в столице.

– Э-эмм... а без его «прожектора» ты, выходит, ничего не видишь? Давай, я посвечу, – с нескрываемым сарказмом проговорил Бестужев-младший. – В городе вооруженный боярский мятеж. Ну как, посветлело?!

– Хорош мятеж, при котором восставшие, вместо того чтобы ударить по не подготовленной к обороне резиденции монарха, бьют по домам своих недавних соседей, давая тем самым государю и его людям время на подготовку, а нанятый инсургентами сброд, вместо того чтобы зачищать Преображенский приказ и правительственные здания, охотится за дочерьми служилого люда... Это, знаешь ли, уже не мятеж, а изощренный способ самоубийства.

– Э-э? – Леонид удивленно взглянул на меня. – Они охотятся за детьми бояр? Ты уверен?

– На сто процентов. Но даже без учета этого факта – что, скажешь, я не прав в своих размышлениях?

– Не скажу. В том, что ты говоришь, логика, конечно, есть... – покачав головой, медленно протянул Бестужев-младший и вздохнул. – Но мне кажется, что информации для таких выводов слишком мало.

– А я о чем? – пожал я плечами, и Леонид, фыркнув, кивнул.

– М-да... Ладно, идем, где-то здесь я видел лавку, о которой ты говорил. Торгуют всякой всячиной, в том числе и деталями для разных устройств. Наверняка у них и подходящий инструмент найдется. – Леонид двинулся по самому широкому ряду, внимательно глядя по сторонам, но почти тут же замер на месте и, обернувшись, ткнул меня пальцем в грудь. – Но обещай мне, что расскажешь об этой истории с охотой...

– Дома, – уточнил я. – Все равно покою не дадите, пока я не поведаю обо всех моих приключениях.

Леонид довольно кивнул и потянул меня вперед, на поиски лавки. Нашли, конечно. Правда, больше всего эта торговая точка походила не на привычные мне по не таким уж давним визитам в Алексеевские ряды ухоженные магазинчики с сияющими, натертыми до блеска стеклами витрин, а на Тамошние развалы конца девяностых, вроде Митинского радиорынка. Кучи проводов и деталей, сваленных словно бы в полном беспорядке на низких раскладных столах, гирлянды удлинителей и «бороды» разнообразных шлейфов на стенах... Мечта техника, одним словом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.